

ПИСЬМО
ИЗ

АДА

Людмила Райк¹₁₈₊а

Людмила Райкова

Письмо из ада.

<https://litres.ru/74122624>

SelfPub; 2026

Аннотация

Приглашение на собрание давно погибшего закрытого акционерного общества, показалось Мане повесткой из Ада. Она боится ехать, но приступы любопытства не дают покоя. По секрету от мужа она собирает вещи и кидается в омут. Спасать жену в очередной раз достается Глебу.

Людмила Райкова

Письмо из ада.

Глава 1

МАХ насобирал столько контактов что, Маня отключив навсегда уведомления новостных каналов, долго искала, кто же прислал очередное сообщение. Надо будет внуков и родных выделить в отдельную папку. Она листает и листает, помешивая овсянку, и наконец находит два сообщения. В первом, питерская жилищная компания сообщает о проверке газового оборудования в марте. Маня знает о новом законе – жильцы, не обеспечившие допуск службы в помещение, будут отключены от газоснабжения. Но до 1 апреля открыть дверь просто некому. Сева квартирант, ещё в Иране, разве что она сама поедет и наконец выдаст комплект ключей соседям, на всякий случай. А пока напишет, что до апреля по адресу никого не будет.

Второе сообщение от соседа: «Письмо вторую неделю лежит на крышке почтовых ящиков. Что с ним делать? Почтовый ящик забит под завязку.».

Маня просит забрать конверт домой. Отправляет и задумывается, кто в наше время отправляет письма в конвертах. Она сама четыре года назад так рассылала сообщения о кончине родителей. Всякие квитанции теперь приходят на элек-

тронную почту. И тут вспоминает о встрече в Обнинской клинике с дамой, один в один похожей на её покойную тётушку. Есть в их семейной истории одна давняя неизвестность. В 1985 году кузина ушла в парикмахерскую и пропала. В моргах, больницах её так и не нашли. Может эта, из Обнинска, тоже сравнила постаревшую Маню с бабулей – они похожи, и отыскала её? Точно! Так оно и есть. Она снова открывает МАХ, и вслед за первым шлёт соседу Илье второе сообщение, просит сфотографировать конверт.

Илья отвечает, что уже уехал, вернётся вечером и обязательно пришлёт.

Никто не знает, что готовит ему день грядущий. Оставьте она письмо дожидаться её приезда в Питер, всё бы обошлось.

Но беспокойные манины мысли выпустили фантазии на слаломную трассу и помчались навстречу с пропавшей кузины. Они с племянницей на фантазийной скорости едут в Обнинск, забив багажник Рено кучей подарков. Маня положила туда семейный альбом, где на одном из черно-белых снимков впереди толпы тётушек и дядей, сама Маня и её двоюродная сестричка Люба. Маня с косынкой на голове стоит смиренно, а Люба пока никто из взрослых не видит сунула указательный палец в ноздрю. Она всегда так делала даже в школе. Люба на два года старше и почти на голову выше. Они совсем не похожи. Да и со своей дочерью Алиной Любаня тоже не похожа. Интересно, узнает она свою малышку теперь? И как переживёт эту встречу. Как оправдается, что оставила ребенка и исчезла? Первые пять лет, родные при каждой встрече строили версии, потом решили, если Любаня жива она бы точно вернулась хотя бы посмотреть на дочь. Не вернулась, значит нет её, и не важно, что останки нигде не обнаружены. На том и успокоились.

Но с болезнью Маня стала сентиментальной и часто вспоминала ту пациентку у кабинета лучевой терапии, которая похожа на покойную тётку. Даже Алинке собиралась рассказать. А потом отложила. Решила, когда в очередной раз поедет на лечение, выяснит по дате и времени, фамилию больной. Раздобудет адрес, навестит незнакомку под благовидным предлогом, а потом уж расскажет всё племяннице.

Скорее всего Любаня давно забыла какого она роду пле-

мени, но Маня знает, как удостовериться, она это или нет. Стоит попросить незнакомку показать правую пятку. Если там обнаружится шрам в форме полумесяца, значит перед ней та самая двоюродная сестра. А вторую дочку, которая сопровождала её на процедуры Люба могла родить позже.

За этот шрам Маню три дня не выпускали гулять и четыре часа держали в углу перед лестницей. Они с сестрой, тайно без взрослых и подружек, отправились купаться на Лахтинский залив. Мелководье тянется метров сорок. Им нравилось разогнаться на берегу и бежать по воде пока можно, а потом с размаху падать в воду и визжать, кто громче. Там Любана и напоролась ногой на разбитую бутылку. Осколок вынимала Маня, она же своей косынкой, бабушка требовала носить её летом постоянно, перевязала рану. И оставляя кровавый след, малолетние преступницы поплелись домой. Любана вызвали врача, перебинтованная по правилам, она лежала в кровати. А Маня отбывал срок в углу, за себя и старшую сестру.

Почему она решила, что письмо именно от Любы? И как, потерявшая всякую связь с родными, чудом уцелевшая сестра, могла узнать её адрес? Эти вполне логичные мысли не приходили фантазёрке в голову. Она бы так и рисовала сцены счастливого воссоединения семьи до самого вечера, если бы не Глеб. Он расчистил машину и уже кричал из коридора: - Есть кто дома?

Маня мигом встрепенулась, посмотрела на часы. До обеда

оставалось 30 минут. Стоило уже ставить на огонь недоваренный суп. Он закипит, Маня бросит туда вермишель, соломку и мелко порезанный лук. Глеб топает ногами, а она суетится у плиты. На дворе февраль 2026 года, через четыре дня праздник, а у неё нет подарка для мужа. Собиралась заказать бежевые кожаные чехлы в рено. Но Глеб предложение отверг – маркие, неудобные для лета. Лучше тканевые, чтобы можно было снимать и стирать.

На подарки внукам она отправит дочери деньги, заранее пусть купит общий, и скажет об этом ребятам и зятю.

Глеб уселся на диванчик отогреться, и Маня принялась рассказывать мужу о загадочном письме и своих предположениях. Глеб слушал и молча смотрел на спину жены.

- А почему ты решила, что письмо от пропавшей сестры?

- А от кого ж ещё?

- Налоговая, забытый штраф о нарушении правил.

Маня с сомнением покачала головой.

- Я на машине по Питеру лет двадцать не ездила.

Помолчали.

Маня положила в кастрюлю лавровый лист, жамку льняных семечек, лук, засыпала вермишель помешала и замерла в ожидании. Сейчас закипит, убавит огонь, можно отойти чтобы продолжить разговор. Глеб листал новости в телефоне, когда она опустилась на стул.

- Я почти уверена, что в Обнинске была именно она. И она меня если не узнала, то отметила смутно знакомое лицо.

- Тормози родная! – Глеб с выражением смотрел на жену. Намечтаешь, а потом сама же и расстроишься.

Маня примолкла, выключила огонь и взялась за телефон. Вечером она будет знать адрес, и упрямый муж будет поспрамливать. А пока, до обеда, за 10 минут можно посмотреть новостную ленту.

Снег повсюду. Лавина сошла на два кемпинга и автомобиль в посёлке Архыз в Карачаево-Черкесии. Маня всматривается в картинку, мужик с лопатой, утопая по самое не балуй в снегу, идёт вдоль крыши, надо понимать кемпинга. Мокрый снег в горах, опасное явление. Остаётся надеяться, что туристов в кемпинге не было. А если и были – крыша цела. Стоит откопать вход, и свобода встретит непосед у самого входа.

- Я завтра на работу без машины поеду. Служебным автобусом. – Докладывает Глеб.

- Зря значит откапывал. – Откликается Маня, не отрывая глаз от экрана.

- Не зря, потом меньше снега будет. Сегодня на базе весь день снег чистят, а с пяти вечера и за ночь, так наметет, что как пить дать застряну.

В новой машине ещё нет снежной лопаты, у старой черенок такого размера, что в багажник рено, не втиснуть. Может подарить любимому на 23 февраля лопату с коротким черенком. Но за ней надо ехать. А в местном чате жителям городка настоятельно рекомендуют сидеть дома. Дороги не

чищены и скорее всего до завтра так и останутся. Приоритет для центральных дорог, то есть полтора километра от городка.

Маня просматривает ВА и почту, ждёт отклика от Теодорочки. Тишина. Потом читает в новостях – Рижский вокзал продадут с торгов в ближайшее время. Далее использовать его по назначению не планируется. А само здание, без привязки к железной дороге, предполагается интегрировать в городскую среду, создать, например, привлекательную зону отдыха.

- Ну-ну. – Ворчит Маня. Ей не нравится что правление РЖД получит доход от этой сделки. А ещё, продажа вокзала, как будто демонстрирует окончательный отказ современных властей от русской Прибалтики. Эдакое отступление.

Она откладывает в сторону телефон и предлагает Глебу позвонить в Латвию. Узнать получила Теодорочка письмо или нет. И рассказать подруге о продаже вокзала, на который они вместе не раз приезжали. Вчера Маня с Глебом попытались звонить в Ригу с латышского номера. Но ТЕЛЕ2 не поймал сеть. Сегодня Манюня набирает подругу с русского номера. Гудки идут, и она считает – три, четыре, пять. Абонент отклоняет звонок.

Маня слушает короткие гудки и чувствует, как начинают пылать щёки.

- Это всё. Она не хочет говорить.

- Наверное нельзя общаться с русскими.

По Маниным щекам текут слезы, она надеялась, что лучшая подруга помнит и любит. Оказывается, нет. Информационная война между Россией и Западом казалось гонит волны поверху, а люди по обе стороны границы всё понимают и ждут, когда обострение безумия политиков пройдет. Может так и будет, но как не обидно признать, в эту пору прекрасную, жить доведётся уже не Мане. А пока остаётся вернуться к прежним друзьям хотя бы по телефону. И то не всегда получается.

А она дурочка распиналась в письме, жаловалась на здоровье, надеялась, что скоро всё образуется и они встретятся прямо в Питере. Как мечтали ещё там, на хуторе. Настроение упало к нулю.

Маня не могла поверить, что Теодора забыла всё, что их связывало. Однако звонок отклонила. Значит надо принять это решение. Насильно рядом никого не удержишь. И навязываться абсолютно незачем.

Главное теперь проглотить эту горькую пилюлю и жить дальше. Мало ли людей, казалось близких и почти родных, уходили в прошлое. Маня с горечью отпускала даже Анютку, которую сразу после бухгалтерских курсов взяла к себе в редакцию. А та запуталась в отчётах, ушла на больничный, а потом и вовсе принялась с сотрудниками перемывать ей кости, выкладывая всё о личной жизни своей патронессы. Жизнь сама наказала девушку и так жестоко, что, Маня даже позвонила ей посочувствовать и предложить поддержку.

Хотя какая от неё теперь помощь.

Анютка попала в редакционную бухгалтерию неожиданно. Собкор из Вологды попросил организовать ему перед пенсией какую-нибудь награду через Центральные профсоюзы. Официальная зарплата 4000 рублей, еще 4000 ежемесячно отправляли по почте. С таких доходов не пенсия получится, а кошковые слёзы. Рынок только начал осваивать возможности России, прибирая всё к своим рукам. Письмо обсудили на редколлегии и решили обратиться в нужные органы за содействием. Маня тогда отметила, что редакция подозрительно постарела, все кроме неё самой и младшего бухгалтера, давно получают пособие, и зарплату побольше чем у вологодского собкора. Подумала и закрутилась в делах. Помимо выпуска газеты на 8-ми полосах формата А1, редакция готовилась праздновать своё 75-летие. Она уже подготовила макет календарей, договорилась с типографией и теперь ждала счёта. Оплатят и запустят в печать. Счёт пришел на 65000 рублей, в те времена доллар стоил 16 рублей. Так что, сумма немалая. В типографии согласились на аванс – 25 тысяч сразу, остальное по очереди – 20 за первую часть тиража и еще 20 за крайнюю. Маня со счётом в бухгалтерию. И слышит «Денег нет». Прямо как Набиулина. Как нет? У Мани самой, в газете коммерческий проект по одной полосе в неделю. Переводят 30 000 исправно. Два дня назад точно перевели, оказалось пустили их на другие платежи. Маня расстроилась, она газетой занималась, к деньгам не каса-

лась. Этим ведал главный и бухгалтерия. Там её и успокоили – не расстраивайся, налом заплатим всю сумму разом. Бухгалтер открывает сейф и Маня видит в нём, как плотные пачки занимают всю полку и упираются в потолок. Тут у неё и возникли вопросы. Почему собкоры, на которых газета держится, получают гроши. Сколько платят арендаторы и как они рассчитываются. Мало-помалу Маня выяснила, что в редакции оформлены, внук и внучка редактора. Бухгалтер получает четыре собкоровские зарплаты – ей через пару лет пенсию оформлять. Главный от вопросов краснеет и тупит глаза. Ему 84, работать уже не способен. А с момента перестройки наворотил столько, что и уйти нельзя. Бухгалтерам указали на дверь, а Мане поручили найти нового бухгалтера, которому можно доверять. Только аудита пусть не требует. Если бухгалтер будет свой, Маня и без аудиторов во всем разберётся. И позвала Анютку. Через три месяца пожалела.

Кто-то из мудрецов советовал, – пожелай чистой любви и светлого мира тем, кто не был добр к тебе, и продолжай двигаться вперед. Это даст свободу вам обоим. Анютка тихо повторяла – спасибо, спасибо. А потом попросила денег в долг сколько получится. У Мани получилось 15000. Мол, надо для мужа на лечение. Анютка не знала о Манином диагнозе, и, наверное, относилась к ней так, будто 17 лет прошли для Мани как один светлый и радостный день. Откуда ей знать, что порой Мане самой требуется протянутая с помощью рука. Но она не просит, напротив старается чтобы о

проблемах знали, как можно меньше людей. Получается не всегда. Когда обнаружился рак, обрушились потоком звонки даже тех, с кем она лет двадцать не общалась. Вздыхали, ахали. А после операции, когда выяснилось, что никаких метастаз опухоль не дала, никто больше не позвонил. Маня расценила это по-своему. Мол ждали что умрёт, а она и не собиралась... На днях посадит на рассаду перцы, в марте помидоры. В апреле первые пять кустов огурчиков, чтобы есть ранними. Не покупать же по 600 рублей за килограмм. А может посадить сегодня? Где-то давно Маня вычитала, что в году есть только два дня, в которые ничего невозможно сделать, это вчера и сегодня.

Она уже направилась в гостиную, чтобы достать с полки коробку с семенами, как всегда оставив на кухне телефон. И по закону подлости он зазвонил в тот момент, когда Маня, встав на стул уже дотянулась до заветной коробки.

Маня осторожно спустилась – хватит, однажды допрыгалась, развешивала для просушки пучки ромашки. Она стоит на кухонном табурете, а тут телефон. Месяц с растянутыми сухожилиями шкандыбала. Да ещё летом.

- Фая на проводе.

Это для Мани минутка праздника. Бывшая циркачка никогда не позвонит чтобы пожаловаться. Сегодня не исключение.

- На работе чёткое разделение труда – одни много работают, другие много получают. И никогда никакой путаницы.

- У тебя в магазине что ли?

- Нет у нас магазин маленький. Соседка бухгалтером на железной дороге работает. У монтеров зарплата 30 тысяч в месяц, у главы РЖД почти 900 000 в день. Узнала и вывела формулу.

- Пусть запатентует своё открытие и отправит в Думу.

- Боится, у неё зарплата хорошая, 70 000, правда не в день.

Но всё равно нормально. И контора рядом с домом.

Дальше Фая перечисляет всё, что приготовила на выходных дома, Маня глотает слюнки и старается отвлечься от гастрономических соблазнов. Думает о бухгалтере с формулой. Предусмотрительная дама знает, – с сильным не борись с богатым не судись. Но сравнительный зарплатный анализ, как горячий блин жжёт сознание, вот и выдала свою формулу Фае. А та Мане, и так пойдёт в народ скрытая начальственная арифметика.

Они с Фаей посетовали на снежные завалы и попросились. У мани пропикало сообщение, и ей не терпелось войти в МАХ и узнать автора письма. Часы показывали 21.00 когда она, увеличив снимок конверта прочла. Отправитель ЗАО «Торговая газета». Позвони ей Жириновский из преисподней, она бы удивилась меньше.

- Какая газета? Ты ушла, а через год она перестала выходить. – Глеб тоже ошалел. – Может совесть проснулась и решили выплатить тебе деньги за акции?

- Может, - согласилась Маня и попросила соседа вскрыть

конверт и прислать ей снимок самого письма. Лучше бы ей этого не делать.

Глава 2

Письмо читали несколько раз. Сначала Маня пробежала его по диагонали. Главное было выделено жирным. Акционерное собрание. Повестка – выборы правления и председателя. Место – база отдыха под Егорьевском. Дата и время – 26-28 февраля. Заезд 25-го, с 19 до 23.

Подтвердить участие по телефону или электронной почте.
- Какое собрание? Газеты давно нет. И почему за 20 лет не было ни одного приглашения? Какая-то разводка.

Маня удивляется, Глеб перекинул сообщение на свой айфон и тоже изучает. Он всегда читает медленно, вдумчиво. И молчит.

Покипятившись, Маня принялась изучать список акционеров. Из восьми нашла только две знакомые фамилии. Свою и специального корреспондента, а после, когда Маня ушла из газеты, и редактора на три месяца, Светлану Шляпину.

Если бы Маня нашла старую симку, то смогла бы отыскать контакт коллеги и всё выяснить. Кажется, в бумагах есть книжечка со списком служебных и домашних телефонов сотрудников. Светлана там точно есть, только оставила ли она домашний аппарат. Маня свой ликвидировала.

- И что теперь делать? – Она жалобно смотрит на мужа.

- Ничего! Ты же не собираешься ехать, не зная куда и зачем?

Знать бы наперёд, она бы послушалась Глеба безоговорочно.

Маня молчит. Ехать никуда не хочется, но, если останется дома высохнет от любопытства. Всё-таки «Торговка» сыграла в её жизни важную роль. 25 лет она служила в газете, и во времена её расцвета, и в лихие годы. За газету поднимали тост, кто ни будь крикнет «За кормилицу нашу!» и все искренне прокричат трижды «Ура!». Уже при Горбачеве, все сотрудники газеты купили по новенькой машине Жигули. Кажется, им досталось по девятке. Самый дефицитный дефицит. Мане тогда папенька презентовал «Ниву», и она отказалась. Родственники костерили дурочку на все лады. Её ведь можно было сразу продать, получив сходу две цены! Или уступить машину кому ни будь из тётушек. Люсин муж, когда отправился в Уренгой строить газопровод, первое что запланировал, купить Жигули. Купил и до сих пор ездит на своей пятёрке.

Господи, как же поменялось всё вокруг. Автомобиль из роскоши превратился сначала в средство передвижения, а теперь снова перекочевал в разряд роскоши. На днях по телевизору сообщили новость. Скоро в стране будут выпускать народный автомобиль. На снимке Маня увидела «горбатый запорожец» и его стоимость 900 000 рублей. Машина с секретом, ездит на электричестве, а батарею придётся брать в

аренду. Сколько будет стоить? Пока секрет.

Маня в отечественные автомобили не верит, избаловалась меняя в Европе раз в полгода разные марки. И до сих пор считает самой душевной «Пежо». Теперь рада и скромной реношке. Но на собрание акционеров она на ней не поедет. Во-первых, зима и на дорогах чёрти что. Во-вторых, у неё перерыв водительского стажа больше трех лет. Придётся раскатываться, но это уже весной. Господи она уже думает о поездке как о решённом деле. Значит пока мозг сомневается, подсознание принимает решение.

Глеб замечает блуждающий взгляд благоверной и строго смотрит на жену.

- Даже не думай!

- А я и не думаю. Здесь телефон, завтра позвоню и откажусь. Мол здоровья не позволяет и машины нет.

- Маня, звонить не надо. Ты вообще получила это письмо случайно.

Тут Глеб прав на все сто. Если бы почтовый ящик не был забит рекламными проспектами, почтальон опустил бы письмо. А в апреле Сева, вернувшись из Ирана, вынул и положил на полку в прихожей. Ему бы и в голову не пришло сфотографировать конверт и прислать им с Глебом. Если бы не вежливый сосед. Хотя Маня не верит в случайности – парень не поленился забрать конверт, сообщить о нём Мане. Переснять вначале адрес отправителя, а потом и страничку с посланием.

Кстати, а что там с адресом, помимо аббревиатуры? Где сейчас располагается офис ЗАО? Раньше на Варварке. Но дом бывшего министерства торговли давно освободили от арендаторов. Маня, когда гуляли по Москве с Теодорочкой, специально свернула туда и увидела здание, обтянутое строительной сеткой. Улицы и нóмера на конверте не было. Номер почты и пометка «До востребования». Шифруются за чем-то.

День катился своим чередом. Маня, занимаясь готовкой параллельно собирала контейнеры с котлетами, творогом, курицей и складывала их в сумку-холодильник. Завтра Глебу на смену.

Они по очереди замирают у окна, оценивают сугробы и задают друг другу вопрос:

- Ехать на службу на Рено или дойти до посёлка и отправиться служебным автобусом.

Маня за автобус, категорически и бесповоротно, Глеб сомневается. Масла в огонь подливают сообщения из чата городка. Утром на дороге села на брюхо машина. Водитель подкапывал, газовал, снова подкапывал. Пока не кончился бензин. Потом закрыл опель и отправился домой отогреться. Стоит машинка посреди дороги, а тут Скорая помощь. Упёрлась в препятствие посигналила и попятилась задом обратно. Проезд освободили только к вечеру. Народ в городке живёт предусмотрительный. Сосед по даче купил где-то в деревне списанный трактор и зарабатывает на нём. Зимой

чистит снег по частным заявкам, летом распахивает огороды. Он и стащил опеля с проезжей части дороги.

Глеб озвучивает местные новости, а телевизор международные. В Лондоне арестовали принца Эндрю. Не посмотрели даже на день рождения принца. Скандал с острова Эпштейна набирает обороты.

Манин мозг все новости воспринимает как лёгкий сквозняк. В нём прочно сидит главный кол – собрание неведомых акционеров главной газеты её жизни. Еще бы! У Мани два образования – торговое и журналистское. На торговом институте настоял папенька. Заметил, как дочурка потянулась уже к школьной газете, и тут же нарисовал дорожную карту для своей кровиночки. Подстраховался – раз, торговая профессия гарантированное благополучие во времена дефицита – два. А журналистика, зона риска – надо уметь колебаться с линией партии и конъюнктурой редактора. В их роду это ни у кого не получалось. Среди многочисленной родни никому в голову даже не пришло вступать в ряды КПСС. Может кто и захотел бы, да не примут. Деда сослали в Алма-Ату за простую зарисовку о буднях советской школы. Написал, как ребяташки в здании на Моховой гуляют в холле по кругу. Бегать и прыгать строго запрещено – перекрытия деревянные и ненадёжные. Додумался сравнить школьную перемену с прогулкой на зоне. Все бы ничего, только дедушка отправил своё творение письмом в Польшу, двоюродному брату. А тот опубликовал в Краковской газете. Шёл 1932 год, автора

забрали и выслали подальше от культурной столицы Страны Советов. Случись публикация через четыре года и пошёл бы дедуля по этапу. А так поселился в тёплом городе, завёл себе зазнобу и новых деток. Бабуля театр не бросила, за мужем не последовала. Получала от него посылки с душистыми яблоками, писала письма. Пока не согласилась отправить старшенького на каникулы к отцу. Он и привез домой новость – есть в далекой Алма-Ате у него две сестры и весёлая тётя Клава. Бабушка мигом вычеркнула из памяти неверного мужа. Но старший сын продолжал переписываться с отцом и сестрёнками. А позже папенька тоже не удержался от грязного писательства и удостоился собственной ссылки, теперь уже на Целину. Брат Манин к перу не тянулся, а дочку папенька просмотрел. Решил переломить ситуацию. Едва закончила Манюня школу, как определил её в торговое образование. А в университет на факультет журналистики она уже пошла сама. Посылала отцу свои публикации, но не удостоилась от него ни критики, ни похвалы. Журналистская карьера складывалась плохо, печатали Маню охотно. А взять в штат не могли. В советское время штатные сотрудники редакции проходили серьёзную проверку на политическую устойчивость и надёжность. Газета подыскивала организацию, где способную Маню оформляли, а реально она работала в редакции. Называлось такое положение – работать на подвеске. «Советская торговля» была первым изданием, которое решительно и безоговорочно приняло Маню

в штат. И только за это она была благодарна редактору долгие предолгие годы. Потом на политическую надёжность перестали обращать внимания. Маню звали в «Коммерсант», на РБК, на телевидение, и даже в зарубежные издания. Она охотно сотрудничала, но упорно хранила верность своей газете. Может и не стоило, но такой уж она была. Тем более, что нагрузки собкора позволяли ей ездить в командировки и сотрудничать с другими изданиями. Включая зарубежное телевидение. Просто не стоило ей переезжать в Москву и перебираться в центральный аппарат, но так уж вышло.

И вот теперь, давно потерянная газета, снова появляется и предлагает ей встречу с прошлым. Всё равно, как если бы пропавшая сестра Люба позвала на встречу, а она отказалась и даже не позвонила. А если новые акционеры собираются восстановить загубленную жадным и немощным редактором газету, под старой маркой? Маня поможет и поддержит. История газеты начинается еще с 1936 года, основал её Мико-ян. Колбасный завод, наследники нардепа сохранили. Газета таких доходов не даст, но тоже вполне достойна, чтобы объединить разные пласты истории отрасли.

Манины фантазии прямо-таки рвутся на этот акционерный шабаш в Егорьевск. Он всегда таким был. Собкоры с дарами прибывали в Москву со всех концов Союза. Их селили в лучшей гостинице, чаще всего в «России», три минуты ходу до редакции. Два дня народ тусовался по отделам, работ-ники центрального аппарата вечерами приходили в номера

и за рюмкой коньяка обсуждали своё насущное. Кого следует отодвинуть от правления ЗАО, кого наоборот протолкнуть. Финансовая составляющая во все времена оставалась темой табуированной. Собкоры получали дивиденды-взятки в конвертах и грамоты. Праздник гулял и клубился два дня, а на третий намечались два важнейших годовых события – голосование и банкет с танцами. На Маниной памяти только дважды сотрудники пытались поставить под сомнение право главного возглавлять и газету, и ЗАО. Но старик оказывался крепким орешком, заранее чувствовал редакционную смуту и не ленился звонить собкорам. Нет, конечно он не требовал отдать свои голоса за себя. Просто интересовался как дела и здоровье, не нужна ли помощь. Хвалил очередной материал и ненароком сообщал, что за него выписан повышенный гонорар. Все, и Маня в том числе знали, что на следующий день от доверенного человека из редакции последует звонок. И уже в нём прозвучат инструкции стоит ли ехать в Москву, и кому конкретно надо передать доверенность на голосование. Конечно это были манипуляции, умело организованные начальником интриги. Именно за них сторонники редакционного долгожителя, называли главного гениальным руководителем. И Мане трудно с этим не согласиться.

Глеб утвердился на кухонном диванчике и упорно подбирал для новой машины всякие мульки. Маня лениво листала новости и зачитывала мужу самое интересное и смешное. В телевизоре говорили о женевских переговорах и высмеива-

ли европейцев, которые поселились в гостинице неподалеку, и подсматривали, гадая что творится за закрытыми дверями. А попутно раздавали журналистам комментарии. Мол Европа войну финансирует и потратила на неё столько, что за столом переговоров должна быть чуть ли не главной. Маня представляет галеру с рабами гребцами, которые стараются хотя бы чуточку продвинуться в сторону острова с названием победа, а над их головами разговаривают хозяева. Рабы слышат, как старшие рассуждают о нестыдной капитуляции, и требуют у хозяина права голоса.

- Гребите! – Приказывает им начальник и замахивается плёткой, чтобы протянуть по мокрым напряжённым спинам хлыстом с надписью тарифы. На время, галера причаливает и рабы бегут к глашатаям, чтобы донести до народа свои чаяния и страхи. Манин мозг, нарисовав картинку хихикнул и утратил к ней всякий интерес снова свернув в сторону собрания акционеров. Но натренированный палец выхватил из потока забавную новость. Над ней Маня захохотала в голос. Глеб отвлёкся от Озона и смотрит на жену.

- Прикинь Мединский на вопрос, далеко ли продвинулись на переговорах в Женеве, ответил – мол есть прогресс добрались аж до Крещения Руси.

- С такими темпами успеем забрать Одессу с Николаевом пять раз.

- И одного хватит.

Не досмеявшись, Глеб отвечает на звонок, из аппарата

несётся отборный мат и только потом приветствие. Сосед выехал из своей воинской части пораньше, чтобы забрать в детском саду старшую дочурку. Пробился пару километров и встал. Впереди сложилась фура, сзади штук тридцать легковушек. Водители дружно давят на клаксон, будто это заставит фуру испугаться, выровнять прицеп и освободить проезд. Вояка объясняет дорожную ситуацию, отвлекается на мат, и наконец излагает просьбу – забрать в саду малышку.

- А мне её отдадут?

Вояка задумывается и решает, – скорее всего нет. В детском саду лежит заявление, кто из взрослых имеет право забирать ребенка. И фамилия Глеба там не указана. Это первое, а второе нет никакой возможности выехать из городка, впрочем, как и въехать. Дорога не чищена. Две головы гадают что делать, ругают снег и коммунальные службы, от души матерятся. Третья, Манина голова открывает рот и закрывает, не получив возможности вклиниться. Она видит решение проблемы – маленькую, с которой сидит жена вояки Татьяна, на передержку сюда. Глеб проводит мамочку к дырке в заборе, покажет путь к основной дороге и посадит женщину в такси. Снабдив её фонариком на лоб, тропинка к лазу лежит через заросли. Без света можно упасть и взрослому, а уж с ребёнком и вовсе опасно. Маня ловит момент, в котором повисает вопрос:

- Что же делать?

И излагает версию своего решения. Организовали всё быстро. Глеб с фонариками выскакивает встречать Татьяну. Маня по всей квартире включает свет. Сейчас ей прямо у порога всучат малышку. Надо убрать всё, до чего может дотянуться годовалый ребенок.

Вытряхнув кроху-гостью из комбинезона Маня спускает Катю на пол, та срывается с места и несётся осваивать квартиру. Нырять в ближайшую дверь Глеба, и схватив шнур компьютера тянет его на себя. Маня успевает перехватить аппарат. Хватает гостью на руки и лихорадочно ищет глазами хоть что-нибудь, способное сыграть роль игрушки. В коридоре на полке фаянсовая кружка с ножками. Маня демонстрирует малышке качающиеся мини-ботинки. Ручонки миглом впиваются в крышку. Над нянькой нависает новая угроза – швырнет Катя кружку на пол, осколки разлетятся. Не дай бог порежется. Маня спускает ребёнка на пол, взгляд упирается в фонарик на батарейках. Световой луч отвлекает Катю, внимание, улучив момент спасённая кружка возвращается на полку. Так они носились по квартире, отрывая от мотка туалетной бумаги снежинки. Усеяли ими ковёр в гостиной, в Маниной и Глебовой комнатах. На кухне и в коридоре, Маня взмокла. Отыскала наконец собаку-подушку с пустым брюхом, сложила внутрь стопку пластиковых баночек из-под сметаны, включила мультики и усадила на кровать собаку и ребёнка. Собаки хватило на 20 секунд, на мультики Катя даже голову не повернула. Маня не успела повернуться,

как гостья сползла с кровати, швырнула в зеркало собаку и резво понеслась на кухню. Там открыла стиральную машину и принялась выбрасывать на пол приготовленную стирку. Пододеяльник никак не поддавался, и пока гостья кряхтя тянула на себя ткань Маня рухнула на диванчик отдышаться.

Тут же молнией проскочила мысль – Как я справлялась с двумя старшими погодками. Один носится тайфуном по трём этажам коттеджа, второй ползает и норовит подняться по лестнице на второй этаж. Но тогда под рукой была гора мягких игрушек. Маня, как фокусник выуживала их из специального мешка:

- Смотри что у меня есть. – Один на несколько секунд оценивал котика или собачку, Маня успевала перехватить вто-

рого.

С гостьей-кнопкой всё сложнее – навык за 20 лет утрачен. Поэтому возвращение Катюшиной мамы, она воспринимает как освобождение из плена. Катю запихивают в комбез, Маня находит соску, несется на кухню помыть и с облегчением закрывает входную дверь.

Взмыленные муж и жена жадно затягиваются сигаретами и поделившись пережитыми волнениями приходят к выводу:

- Малышей нам не надо. Хватит, позабавлялись 30 минут.
- Впечатлений хватило бы и от пяти минуток. – Подводит итог Маня. Время ужина просрочено почти на час, по всей квартире клочки туалетной бумаги. А силовой потенциал утрачен настолько, что уборку она готова отложить до утра.

Глава 3

Глеб, дождавшись вечера с Владимиром Соловьем, засопел прямо во время музыкальной заставки. Маня выждала пять минут и не убавляя звука выбралась из-под одеяла. Передача давно перестала быть моментом откровения и истины. Полуправда не объясняет причин событий и только путает прогнозы. Сколько бы не старались эксперты и аналитики навязать ей свою точку зрения, Маня по-прежнему больше доверяла своим инстинктам. Даже если они толкали её, как в данном случае с письмом, в капкан.

В гостиной она вытащила портфель с документами и при-

нялась искать старую книжку телефонов с сотрудниками редакции. На глаза попало завещание, в котором зам главного передавал ей за 1000 долларов свой пакет акций в 10%. По протоколу ЗАО, нельзя было иметь больше. Здесь же лежало письменное соглашение с экс подружкой Рысиковой, по которому оплаченные Маней 6%, тоже на момент голосования передавались ей в полное распоряжение. В итоге, как тогда давно считала бедолага, она имеет на руках пакет легко блокирующий любое решение. Ха-ха-ха!

Старый лис главный, просто и легко обходил любые ловушки, например, оформил в штат фотографа, и армянин Заинов мигом включился в закулисные интриги, после которых, сосредоточил в своих руках уже к первому собранию акционеров, 10% акций и ещё двадцать гарантов, готовых поддерживать его точку зрения. Оформленные на должности корреспондентов старушки, которые не то чтобы писать, даже думать над материалами затруднялись, больше всего на свете дорожили своим статусом в старейшем союзном издании. Им достаточно было просто намекнуть, что Маня планирует и даже уже обсуждает обновление состава редакции, как они заложат все свои голоса дьяволу, который пообещает защиту.

Маня перебирает бумаги и вспоминает страсти которые кипели в коридорах и отделах умирающей газеты. Её можно было спасти, – отказавшись от помещений в престижном месте. Тогда Госимущество носом рыло возможность опро-

тестовать пятидесятилетнюю аренду здания на Варварке. И Мане удалось договориться о передаче в собственность редакции, помещений такой площади. Тоже в центре, но без вида из окна кабинета на Васильевский спуск. Если бы она только знала в какой тендем ввязался главный с основным арендатором здания, всё бы получилось. Газета, вырванная из криминальной сделки, выжила бы, и спокойно занимала свою информационную нишу и по сей день. Даже со старушками в штате. Их можно было перевести на пол ставки и посылать на бутербродные пресс-конференции, чтобы могли демонстрировать свои наряды и драгоценности. Жила бы газета и сегодня уже без Мани, Шляпиной и разрисованных бабушек с выбеленными волосами. Они боролись за своё место в газете с таким жаром, что в итоге от газеты камня на камне не осталось.

На этом витке причитаний Маня извлекла из стопки ту самую книжицу с телефонами сотрудников. Она пожелтела от времени и страницы грозили рассыпаться в любой момент... Маня вбила в мобильник номер Шляпиной. Звонить ей она попробует утром.

Убрав портфель на полку, Маня с чувством выполненного долга отправилась в кровать.

Под рассуждения очередного эксперта о том, что именно СВО толкнуло Россию на путь суверенизации, она задремала. Похоже до суверенизации ещё не дошли, если Набиулина по-прежнему таргетирует. Хотя с войной экономика

страны чудесным образом рванула вперед так, что финансовый блок натянув поводья буквально на брюхе волочился по стране за экономической машиной. Соловьёв намекал на гений Мантурова и твердую позицию премьера. Однако финансисты умудрились экономику затормозить. И спасти свои корпоративные и личные доходы.

- Прямо как в родной «Торговке», сейфы под завязку забиты наליком, а оплачивать гонорары и типографские счета нечем.

Во сне Маня собирала дорожную сумку и гадала, зачем авторы письма предложили включить в свой гардероб вечерние наряды, дамам платья для коктейля и тёплые спортивные костюмы.

Маня притащилась в редакцию с чемоданом на колесах, пристроила его в своем кабинете и услышала Люсин призыв, личный секретарь приказывала всем собираться в кабинете главного. Одетая в привычные джинсы и свитер с большим воротником, Маня принялась гадать, не стоит ли переодеться в платье для коктейля. Или нужно явиться в спортивном костюме? Потом прихватила диктофон с блокнотом и понеслась по коридору. Дамы, все как одна сидели за столом в платьях для коктейля, мужчины при галстуках. А вместо привычных блокнотов, перед каждым стояло по бокалу и тарелке с вилкой.

Маня растерянно замерла у входа – опять всё перепутала. У людей праздник, а она собирается обсуждать недельный

план редакции.

За столом смеялись и разливали шампанское, Маню никто не заметил и она пятясь, ретировалась и заперлась у себя в кабинете. На столе пачка материалов, которые надо прочесть, выправить и подписать. Работы часа на четыре, но она решила прихватить чемодан, и пока все будут праздновать потихоньку уйти.

Чемодан гремит колесами по переходу в метро, люди толкаются, и она злится на свою глупость. Перечень нарядов в письме, обычная шутка организаторов. А она купилась и теперь с грохотом тащится к нужной ветке метро с грузом.

В вагоне ей повезло, удалось сесть и пристроить свой чемодан. Ехать Мане далеко, до Тёплого стана, там она припарковала машину. Можно полистать новости. Она достаёт телефон и видит сообщение от Теодорочки. Ни одной строчки сплошные сердечки и улыбки. Маня воспринимает это мельтешение как насмешку. Она ещё переживает за отклоненный подругой звонок. Хоть и решила закрыть страницу дружбы если не на всегда, то хотя бы на время, а всё равно сознание колют иголки обиды. Что-то здесь не так. Маня видит своё отражение в стекле напротив, и решает написать Теодорочке ещё одно сообщение. Мол звонила, но звонок отклонили. Может потому что номер незнакомый. Только латышский в России сеть не ловит. И во сне оказывается могут прийти разумные решения. Хлопнуть дверью никогда не поздно...

Сон не забылся, проглотив утренние таблетки Маня наби-

рает в ВА текст для латышской подруги. Пока он ещё дойдет через сутки или на третьи. Забирается в душ и только потом вспоминает что наступил законный ленивый день. В окно от-метила под снегом рено. Значит Глеб отправился к автобусу. Сейчас она за кашей придумает, что сказать акционерам, от-казываясь от поездки в Егорьевск. И попросит прислать на электронную почту протоколы всех решений.

За завтраком, как водится, новости. Сегодня пятница, значит можно послушать Куликова. Мане особенно нравит-ся Леонтьев, даже со словами-паразитами «вот» и «значит». Леонтьева она проспала, попала как раз на утренние ново-сти. Верховный суд США признал антиконституционными трамповские тарифы и принял решение вернуть 300 милли-ардов долларов тем, с кого они были получены. Во как! Царь горы под названием планета получил под дых. Сам Трамп пока молчит, а виртуозы мемов уже подсуетились. Маня от-крывает Телеграмм, и первое на что натывается, картинка. Трамп со своей милашкой пресс секретарём, а внизу под-пись. «У Верховного суда есть 24 часа чтобы вернуть тари-фы. Или я начну их мирить!». Дони всех мирит при помощи флота. Наверняка шестой уже выдвинулся в сторону суда.

Какая же интересная эпоха выпала на её сознательную жизнь. Когда не надо с утра нестись в редакцию, торчать там до полуночи, пока не будет готов номер. Потом тащиться об-ратно. Сиди себе на тёплой кухонке и получай на блюдечке полный ассортимент мировых новостей. Покажутся скучны-

ми, к вашим услугам криминальный канал. Там вообще чудо чудное, покойницу, приговоренную к 7 годам лишения свободы, отправили в колонию. Экс замминистра ЖКХ еще в 2012 году назначили срок за коррупцию. Но она странным образом исчезла. Муж подал заявление о пропаже супруги. А чиновница спокойно поселилась в Татарстане и целыми днями следила за сводками происшествий. Через 7 лет наконец нашла то, что искала, тело женщины похожей на себя. Тут же отправила послушного мужа в Новосибирск опознавать труп давно исчезнувшей супруги. Благоверный подписал протокол опознания и даже похоронил жену. Дело закрыли, коррупционерка под чужими документами вернулась в родную Астраханскую область. Но была узнана, поймана и посажена. Муж послушно носит цветы на могилку упокоившейся супруги, а жена, как и положено отбывает срок. И в наше время случаются чудеса. Думает Маня и проверяет сигнал айфона. А вот это совсем уже невероятно – Теодорочка не только получила сообщение, но и ответила на него. Да, был звонок, но высветился как из Эстонии, она его сбросила. Письмо получила, сейчас по врачам, а вечером прийдёт ответ.

Радость буквально подбрасывает Маню на диване. Подруга никуда не делась, маленькие неувязочки со связью. Маня строчит ответ, мол вечером позвоню если удобно в 19.00. Сообщает свой российский номер телефона – чтобы знала, что я это я. И поджигает трубку радости. Уже вечером она

услышит голос и всё между ними будет хорошо.

Торговкины кошмары прошлого, сразу отошли на второй план. Она уверенно набирает номер и сообщает, что участвовать в акционерном собрании не сможет. Ссылается на здоровье и невозможность добраться в этот Егорьевск на машине. Дороги все в снегу. Просит прислать протоколы на электронную почту, диктует её, и с легким сердцем отключается.

Так Маня оставшись без присмотра бдительного мужа, сделала фатальную ошибку. Уже через два часа начались звонки с пометкой «полезный».

Сначала вежливый, но настойчивый голос сообщил ей, что собрание акционеров крайне важное мероприятие. И они очень рады что, Маня вернулась в страну и живет не в Питере, а практически рядом с местом собрания, всего в 80 километрах. Акционеры готовы даже прислать за ней в Малино машину. Или оплатить такси. Ведь все до одного участника собрания будут крайне рады встретиться с легендой газеты и вручить ей за все годы приличные дивиденды. Их конечно можно отправить на указанный счет, но у акционеров именно для неё, Мани, есть интересное предложение.

Эпитет «легенда» смыл всякую настороженность и поколебал уверенность никуда не ехать. Маня поплыла, и даже пообещала подумать. Хотя на это самое «подумать» оставалось совсем чуть-чуть. Прибыть в Егорьевск следует уже через два дня.

Пока елей капал с ушей бедолаги, в мозгу растолкав в сто-

роны эйфорию выплыла на поверхность пара здоровых мыслей. Первая, как они узнали, куда нужно прислать машину? Вторая – дивиденды, если газета не выходит, не публикует рекламу откуда они взялись?

Для российского бизнеса не свойственно гоняться даже за акционерами, чтобы всучить им дивиденды. Может и положат в конверт пару тысяч рублей, а сообщение о выплатах, скорее всего сладкая насадка на крючок чтобы подцепить бедолагу и вытащить на свет божий. А зачем вытаскивать? Что с неё теперь возьмешь, если газета не выходит, то чем бы это ЗАО не занималось, Мане по барабану.

Нет она никуда не поедет и Глебу не скажет, что звонила. Про Теодорочку сообщит с радостью. А контакт с Торговкой пусть останется её маленьким личным секретом.

Глеб со звонком, и сосед Лёха, пробились к Мане одновременно. Лёха только сбросил куртку и принялся стаскивать сапоги, как позвонил Глеб. И сходу начал делиться новостями. Отправил сотрудников по домам, а тут звонок от проходной. Видит на мониторе, у ворот припаркован военный уазик и два солдата с автоматами.

Включил связь, представились. Часть такая-то требуется помощь по хозяйственным вопросам. Глеб сам бывший военный, нырнул в сапоги, накинул куртку и пошёл выяснять в чем дело. Оказалось, требуется трактор, дорогу до точки антидроновой охраны замело. Никакой возможности пробиться туда без трактора нет. Трактор стоит на территории, ключи у Глеба, а полномочий выдать технику посторонним у него нет, ворота опечатаны. Связывается с директором, докладывает. Передаёт трубку командиру роты, тот коротко излагает проблему и запрос. Директор «включил» важного начальника и ответил, мол у него самого и у тракториста законный выходной. Согласно Российского законодательства. Посадить на трактор некого, а стало быть и помочь служивым, даже если они охраняют вверенную ему территорию от

вражеских дронов, нет никакой возможности.

- Интонация такая, что посылает директор их идти лесом. Я стою и еле сдерживаюсь, чтобы не послать самого начальника. Мужики после ранения, с фронта. Командир девять штурмов прошёл, после контузии служит здесь. А наш холерный «свин» пальцы перед ним гнёт. Мог бы сказать, мол попрошу тракториста, может согласиться... Не согласиться конечно, директор за каждую лишнюю копейку удавится. База хоть и военная, но в аренде, собственник РЖД, а там хозяйевá. Задача директора, минимизировать все абсолютно расходы, чтобы у тех наверху, больше в карманах осталось. А то что страна воюет им по боку!

Возмущение Глеба так и искрит в каждом слове, у Мани даже телефон раскалился. Лёха уже на кухне перехватывает трубку и о сыне говорит. Тот сейчас на СВО, завтра прибудет в отпуск. Тоже порассказал, как сын в Воронеже свой КАМАЗ ремонтировал, сколько денег за аренду бокса выложил и по три цены за запчасти отдавал из собственных денег.

- Кому война. А кому мать родна. – Почти хором подводят итог мужики. У Лёхи щёки покраснели, Маня поворачивает экран и видит пылающее лицо мужа.

- Так ребятки, дышим глубже. Помним о давлении. – Пытается она купировать ситуацию.

Удаётся не сразу. Лёху отвлекает от разговора чашка кофе, а пыл Глеба она остужает сообщением о том, что удалось вытащить на связь Теодору. Назначили время для вечернего

созвона.

Потом перешли на насущные дела, о снеге и не чищенных дорогах. Лёха только вернулся из своего вояжа в Мордовию, 80 километров от Москвы тащился черепашьям шагом. Глеб тоже нахваливает себя за предусмотрительность, три машины из семи, на которых передвигаются сотрудники, закопались в перемётах. А одному не повезло – пробил радиатор. Вечером домой на верёвке тащили.

- Умные люди в такую погоду передвигаются пешком.

- Пешком в Мордовию не дойти. – Вздыхает Лёха.

- Предлагали тебе отправить Малышку поездом. – Укоряет Глеб, и тут Лёху прорвало. Оказывается, никакого рака у тёщи нет. Только собирается обследоваться. А диагноз малышка придумала, чтобы переселиться с мужем в мордовскую деревню и помочь родителям зимой. Только выехали они после скандала, за которым замаячил развод. В дороге Малышка молчала, а переступив порог родительского дома, затеяла новый хай. Лёха и только разделся, а ему о разводе, разделе имущества, в три голоса. Даже ужинать не стал, как был в тренировочных штанах, так и выскочил из дома, куртку накинул, даже сапоги не застегнул. Газанул и рванул со двора в ночь. Вот такое высокое семейного напряжение, женился думал теперь всё будет хорошо. А оно вона как, и полгода в браке не прожили. До брака целых полтора было ещё терпимо.

Маня деликатно молчит, бывает в семьях всякое. Это дело

двоих. А Глеб рубит с плеча.

- Отвез, и назад не забирай. Пока она в деревне дурью мается подавай на развод. Аргумент железный – если ты нужен пусть живёт без брака. В квартире прописана, можно на работу устраиваться, страховку медицинскую оформить. А если шкурное главное, то и незачем время тратить.

Лёха отмалчивается.

Через молчание пробивается чей-то звонок. Всё потом, важнее разговора с Глебом для Мани ничего нет. Тем более сейчас, когда бедняга едва справился с гневом. На дежурстве он один, пусть лучше выпустит пар с ней, чем будет кипеть сам в себе.

Через 20 минут прощаются. У Мани время связи с Теодорой подошло. Лёху она не удерживает. Сейчас вернётся на кухню и наберёт подругу. Оставленный на зарядке телефон возмущенно пищит. Маня несётся на кухню, если это Теодора, звонок сбросит и наберёт сама. Роуминг дело дорогое. На экране высвечивается незнакомый номер, Маня сбрасывает. Потом, поговорит с подругой и заблокирует. Если бы потратила на блокировку секунд пятнадцать сразу, может всё и обошлось бы.

Глава 4

Теодора ответила быстро, сразу после третьего сигнала. Извиняется, мол на незнакомые номера не реагирует, с массовым внедрением украинцев у них активизировались теле-

фонные мошенники. Деньги со счетов воруют только так. О всех своих печалях Маня написала в письме, так что теперь через охи и ахи подружки обсуждали сошедшую сума окружающую действительность. Подруга литовка, там у неё сестры и братья, унаследованный после родителей и соседок хутор. С мужем заканчивали милицейскую академию в Минске поженились, но распределили их в разные места. Теодору районным прокурором в Литву, Яниса в городскую прокуратуру Риги. До школы сына, Янис так и оставался воскресным папой. Внука воспитывали литовские бабушка с дедушкой, пока молодые делали карьеру. Но в первый класс ребенка отправили из новой рижской квартиры, а Теодоре пришлось оформлять в Латвии вид на жительство. Прибалтика не только объявила независимость от СССР, но и размежевалась между собой. До 2004 года между Латвией и Литвой стоял действующий пограничный пост, и простой визит к любимой супруге и наоборот не обходился без тщательной проверки документов и транспорта на границе. Могли и не пропустить... Семья воссоединилась, границы стали условными, сын вырос, окончил институт, сделал свою карьеру, а Теодора так и осталась иностранкой. Казалось простая юридическая мелочь, но срок продления своего постоянного вида на жительство она пропустила. И когда в банке закрыли счёт, мигмом вспомнила. Помчалась в миграционную службу и запаниковала. Ей предложили повторно сдавать языковой экзамен, и продлевать разрешение ежегодно, в течение пя-

ти лет. Базовая юридическая подготовка и связи помогли заставить службу миграции признать себя неправой. Проблему решали, но полтора месяца они с мужем перенервничали. Теодора обошла высоким давлением, а у мужа на нервной почве началось обострение простатита. Да так болячка разбушевалась, что доктора стали предполагать нехорошую опухоль. Сидит на больничном третий месяц, подруга в сиделках, молится господу чтобы всё обошлось.

Маня проблему понимает, уточняет слышит ли Янис их беседу? А когда узнаёт, что подружка ушла на кухню, оставив мужа у телевизора, рассказывает ей о чуде клинике ядерной медицины в Обнинске. И предлагает, не мешкая приезжать на консультацию. Побеждать рак надо оперативно, каждый день на счету.

- А я прямо завтра оформлю вам вызов. Полечимся, поведемся. – Соблазняет Маня.

- Наобнимаемся, наболтаемся.

- Там сразу не положат, успеем съездить в Питер. Квартира свободна, только не тяните.

Подруга горестно вздыхает. Маня видит, как кто-то пробивается к ней на связь, но она раз за разом отклоняет чужой звонок.

- Знаешь, нам хоть и негласно, но запретили ездить в Россию. Завербуют, обманут, посадят в тюрьму. Знаем, что глупость, мы выросли и выучились в СССР. Но испортить сыну карьеру не хотим. У властей аргумент – Россия не Союз там

у власти сплошные бандиты, жулики и агрессоры. Говорят, не страна, а бизнес-корпорация. С мощной армией и беззаконием, добиться в судах правды невозможно. А люди там, что-то вроде крепостных. Цель этих властей всё прибрать к рукам своего воровского клана, оккупировать Прибалтику с Украиной и забрать под свой контроль Балтийское и Чёрное море.

- Прямо так и говорят?

- Говорят по-другому, но молодежь понимает так. Здесь многое поменялось. Я что тебе посоветовать хочу, продлевай свой вид на жительство и квартиру пока не продавай. Недвижимость отнять сложно, а за деньгами русских, прямо охота открыта. Продашь, когда всё изменится.

- Жаль в эту пору прекрасную...

- Жить мы будем долго и счастливо, не сомневайся.

У Теодорочки совсем незаметный акцент, в школе она тоже изучала Некрасова. Они с Маней хоть и росли в разных городах, но смотрели одни и те же фильмы, слушали одни и те же песни и понимают друг друга с полуслова. Там последнее поколение «совков» теперь под давлением и опекой своих детей. Которым нарисовали новую картину мира. В которой правила старые, а лозунги обновлённые. Теперь не спрашивают, ты за белых или за красных, мировая борьба за ресурсы ведётся под лозунгом – ты за агрессора или против? Их дети по разные стороны баррикад и настроены на полную и окончательную победу.

- Чем всё это кончится? Весь мир в труху? Мы, президент Путин обещал, прямиком в рай. А Теодорочка с Янисом, сыном и внучкой получается в ад?

Маня, попрощавшись с подругой, не успевает додумать свою крамольную мысль, телефон.

- Алло! – растерянно отвечает она.

- Мария Константиновна это вы?

- Кажется да, а кто спрашивает. - Голос знакомый, но чей?

- Света я, Шляпина из Торговой. Вспомнили?

Еще бы! Та самая Света, которая подарила три акции рейдерам, чем пробила броню их газетного закрытого акционерного общества. Продать акции можно было только сотрудникам редакции, а возможность подарить организаторы не предусмотрели. 20 лет назад Света была с одной стороны лучшим корреспондентом и Маниной приятельницей, а с другой вероломной предательницей. Правда потом, приехав на три дня из Латвии, Маня забежала в редакцию. Её бывший кабинет перенесли из богатых апартаментов чуть ли не в подвал. Две тесные комнаты, забитые столами и коморка редактора с малюсеньким окном. Новых акционеров интересовали только редакционные этажи в престижнейшем районе Москвы. И газета несколько месяцев играла роль потрёпанного чемодана без ручки, который выждав время, с облегчением выбросили на помойку.

Хотя именно она Шляпина, заявила всем сотрудникам,

что Мария Константиновна во всём была права. И если бы хватило ума не травить её, а послушаться, не пришлось бы увольнять всех подряд. Но задний ум ничего не меняет. Газеты больше нет и, наверное, не будет.

Маня об этом думает, но не говорит. Она слушает сбивчивую речь бывшей коллеги. Та сыпет аргументами в пользу поездки на стрёмное собрание акционеров.

- Знаешь, там один из наследников наших акций. Трое их тогда так и не согласились продать – ты, этот из Иркутска, и я оставила себе три штуки для страховки, ну чтобы с редакторского кресла не выкинули.

Маня помнит эту распродажу и свой категорический отказ «Я друзей не предаю и не продаю!» тоже помнит. Да и Света не забыла.

- Так вот, он стал крутым юристом, с серьёзной должностью в Москве, и затеял с акционерами судебный процесс.

- И чего добивается? Газету возродить?

- Точно суть претензий не знаю, но эти суки всполошились. Меня нашли, тебя вот тоже. Дивиденды солидные обещают. Думаю, задним числом хотят оформить протоколы собраний и предложить нам с тобой, за оплату принять в суде их сторону. А если мы вернём уставные документы, за них они готовы заплатить отдельно. Ты ведь знаешь где они?

- С чего ты взяла? – Маня врёт. Она точно знает, куда отвезла этот пакет. Пыталась так оградить газету от предательства и захвата. Получилось только отложить на время. Доро-

же рейдерам обошлась ликвидация газеты. Только и всего. Но подозрение это одно, а доказанное хищение документов совсем другое. Хотя, как акционер, Маня имела полное право хранить их у себя. И если бы остальные акционеры ЗАО вошли в разум, вернула бы всё с легким сердцем.

Уже потом, тем самым задним умом Маня понимает, что Шляпина в этом разговоре невольно подала ей сигнал серьёзной опасности. Кажется, прикрываясь историческим именем редакции, новые акционеры через связи и взятки, получили-таки в свою собственность симпатичный особнячок в центре Москвы. Когда здание на Варварке освободили от фирм, Маня точно не знает, но кто-то ей говорил. А если так, то особнячок, который акционеры привыкли считать своим, могут и забрать. Интересно, кто они эти новые владельцы торговой марки её родной газеты? Шляпина назвала их суками, значит чем-то коллеге здорово насолили.

- А кто сегодня акционеры?

Шляпина прерывает поток слащавого красноречия о том, как здорово всё было тогда, и насколько она жаждет встретиться, поговорить, повспоминать с дорогой Маней. Прерывает монолог так, будто с разбегу впечаталась в стену и несколько секунд молчит. Потом начинает мямлить:

- Точно не знаю, но тогда были дети и племянники этого Луинова, ну который здание Министерства торговли СССР в аренду на 50 лет взял. Ну и сын нашего фотографа. Помнишь, его главный перед шухером в штат оформил. А ещё

и мы с тобой.

- Понятно.

У Мани есть ещё один вопрос, но она не спешит его задавать. Слушает Шляпину, как она дышит, говорит. Никуда не делась та Маня- начальница, которая возвращала сырые материалы, правила и хвалила яркие и острые. Просто теперь у телефона сидели сразу две Мани, эта с седыми волосами, и та блондинка, у которой Шляпина отпрашивалась с летучки. Она вообще последнее время была замороченной. Муж после инсульта лежал овощем, а актёры зарабатывают гонорарами. Ставка в театре, - кошкины слёзы. Всё на бедолагу навалилось разом. За полгода, и родителей похоронила, и муж свалился, и сын в выпускном классе, надо куда-то пристраивать, да ещё семью обеспечивать. Маня помогала как могла, даже коммерческий проект Шляпиной отдала. Одна полоса в месяц, можно съездить в командировку на пару дней, отписаться, а остальное время ухаживать дома за болезным.

О сыне можно не спрашивать, всё из телевизора известно, он в музыкальной тусовке не на последних ролях. Правда скандальных. Но как говорится, в прессе всё реклама, кроме некролога. О муже Света сказала сама, похоронила 8 лет назад. Из фрейлин газеты, тоже никого не осталось. Они постарше Мани лет на 10 были, позубастей это да, но годы косметикой не замажешь, взяли своё. Похоронили всех.

- Там и встречались, тебя вспоминали постоянно. Никто ведь не знал куда ты делась. Пытались найти. Юлька твоя чи-

стый партизан, сказала, что вышла замуж и уехала навсегда за границу. А бывший муж просто послал по матушке. Ты развелась? И потому вернулась?

- Не развелась. Всё у меня отлично!

Маня никогда не жаловалась и не откровенничала. Не было у неё в редакции искренних и душевных подруг. Все остались в Питере. А «Торговка» существовала в режиме нескончаемых интриг, народ постоянно был занят, сжирая очередную жертву. А потом очередь дошла до Мани. Только на ней дизайнерские зубки пообломались. В газете она была постоянным золотым пером, а потом и вовсе в роли первого зама, заправляла всем кроме финансов. И пахала с 8 утра до 21.00. Рада бы уехать домой пораньше, да не получалось.

В целях экономии средств, они сократили в газете ответственного секретаря и выпускающего. Нет проблем нарисовать макет и сформировать полосы. Маня разработала стандартный макет каждой из восьми, шесть полностью верстались из запасов, а на первой и третьей оставались места для оперативных материалов. Печатное издание, дело затратное, и по времени по вложениям. Но при чёткой организации работы, всё складывается как надо, а главное в срок. Труднее всего было вписать в дисциплину чёткой организации, московских корреспондентов. 80% номера формировалось из собкоровских материалов. А вокруг этих двадцати, необязательные москвичи постоянно устраивали суету и скандалы. Надо ли говорить, что требовательную Маню-выскачку они на дух не переносили. Но ей самой это было по барабану. Сплетничать некогда, красоваться с новым маникюром или в обновках незачем. Она легко ушла из редакции, когда поняла, газету уже не спасти. Но доброхоты до самого отъезда продолжали звонить и докладывать, кто что сказал и как там дела. Шляпина одна из них, а самой активной была Люся Славская. Она долго писала Мане в Одноклассники, комментировала снимки, то из Лейпцига, то из Милана. Но Маня отвечала редко. Ей казалось, что, порвав с «Торговкой», нет нужды поддерживать контакты с теми, кто предал её в борьбе за газету. Хотя сейчас, положив руку на сердце, Маня понимает – без этого болезненного разрыва жизнь её показилась бы по другой колее. Скорее всего без Глеба, их упо-

ительных путешествий и приключений в течение 18 лет. Да это была другая жизнь. А новой и яркой жизнью, наслаждалась уже другая Маня, не отягощённая ответственностью бабушки и грузом газеты с работой и интригами.

По-хорошему и Шляпиной и Славской она должна сказать спасибо. Только не поймут, да ещё и перевернут всё с ног на голову. Светкин голос в трубке журчит своим чередом, Манины мысли текут своим.

- Так да или нет? – Уже резко выстреливает вопросом Шляпина.

- Ты, о чем?

- Поедешь в Егорьевск или не поедешь.

Надо бы ответить чётко, ясно и даже категорически – Нет. Они с Глебом так решили, муж даже требовал не звонить авторам письма. Но теперь, когда диверсанты проникли, ситуация немного изменилась и Маня принялась мямлить:

- Даже не знаю, я ведь после операции. Таблетки, диета. А там спортивный костюм требуют. И платье вечернее. Целый чемодан вещей тащить.

- У тебя что машины нет?

- Машина есть, но зимой я не езжу.

Мне сказали, что твой коттедж всего в 80 километров от Егорьевска, меня сын повезет. Хочешь и тебя заберём. А потом через три дня вернём туда, где взяли. Соглашайся, хороший повод увидиться и в ситуации разобраться.

Маня обещает подумать, да понимает, что осталось два

дня. Но поездка меняет все планы. Прощаются. Она сидит как истукан, смотрит в окно и борется сама с собой. Агрессивное любопытство толкает достать дорожную сумку и покидать в неё пижаму, спортивный костюм, домашние тапочки и пару нарядов. Сомнение напоминает о данном мужу обещании, даже не думать о поездке и рекомендации врача, избегать людных мест чтобы не схватить ещё и вирус ко всем проблемам.

С чего это Шляпина решила, что, Маня живёт в коттедже? Вот удивится, когда приедет в городок за ней! Будет, о чём почесать с подругами языками. И ещё, телефон ей дали организаторы собрания и даже местоположения указали. Не просто так, Маня им зачем-то нужна до зарезу. Вот и пустили в ход мягкую силу. Какие никакие, а подруги, общее прошлое и личное знакомство могут творить чудеса. И творят, она уже думает сколько футболок положить с собой. Брать жилетку или можно обойтись одной курткой?

Маня так бы и топталась вокруг вопроса ехать или нет, если бы в очередной раз на выручку не явился Лёха, с мордовской трагикомедией.

Глава 5

Придавленная разговором с Шляпиной, Маня искала такие свободные уши чтобы, переслав сигнал в независимый мозг сгенерировали подсказку, ехать на собрание или нет. Главное, чтобы эти уши не сгенерировали второй сигнал. И

раньше, чем сама Маня примет окончательное и твёрдое решение, не доложили Глебу. Муж, понятно он вообще не любит отпускать её куда-нибудь. На второй день начинает страдать и слать жене ролики своих кухонных подвигов. Маня чувствует себя виноватой и при первой же возможности спешит домой.

Можно конечно позвонить дочке Юльке, но она, во-первых, всегда и во всём солидарна с Глебом. А во-вторых убеждена в талантах мамочки, находить на свое мягкое место приключения на любом абсолютно ровном месте. Нет, дочь не подходит. Эммочка могла бы разложить всё по полочкам и выдать точное, и что самое главное, правильное направление действий. Но любимая с детства подружка давно живёт в Германии. Пока был жив ВА, расстояние не мешало им решать проблемы любой сложности, онлайн. Даже стричься. Эмма руководит, Маня собирает на голове нужную прядь и чикает ножницами. Теперь можно написать несколько строк или наговорить пару фраз и сутки гадать – дошло или нет. Пока получишь ответ, проблема сама по себе рассосётся, свернув набекрень мозг. Самым правильным было бы оставить вопрос, пока не остынет, и тогда всё станет ясно как божий день. Но мозг, вцепившись зубами в интересную тему, добычу не выпускал. Перекрыв доступ к любым новостям. Маня уже третий раз читала короткий новостной текст, а представить картину событий всё не получалось. В Красноярском крае, в доме сгорели четыре человека. Семь мужиков

собрались вечером выпить, одного вычислила жена и попыталась увести домой. Незваную гостью дружно вытолкали и надёжно заперлись изнутри. Обиженная женщина подожгла дом и отправилась спать. Трое смогли выбраться через окно, а четверо, включая упрямого мужа, погибли в огне. Маня напрягается, пытается представить себе деревенскую тётку с канистрой бензина. Вот она тащит груз по снегу, потом ходит вокруг поливает строение. Минут семь-десять, неужели за это время гнев не отступил и не включил разум? А те что внутри, все как один односельчане, знают небось с детства, кто в селе на что способен. Хотя, самогон в глубинке такой ядреный, что отключает на раз любые проблески разума. Маня вспомнила жену соседа Малышку, которая напилась, пока муж трудился на халтуре, устроила дома скандал. Лёха, как водится, сбежал с поля боя, чтобы ненароком не зашибить благоверную. А она отправилась искать мужа и ночью стучать в окна всем, к кому он мог зайти. На следующий день вычислила беглеца у Мани с Глебом, и покачиваясь с похмелья приказала: «А ну быстро домой!». И сосед пошел молча. А если бы послал? Могла бы Малышка поджечь их подъезд? Тоже догонялась папенькиной самогонкой, любовно привезенной в качестве гостинца из дома. Маня с Глебом не пьют даже чай, но в городке нашлись ценители, и в один голос нахваливали горячий напиток. Той же самогонки могла разъяренная баба плеснуть в коридор и бросить спичку. Да запросто!

Лёху стоит только вспомнить. Маня считала, что он в Мордовии, отвез буянку к родителям и остался, чтобы помочь по хозяйству. А он звонит:

- Счас зайду.

Рассказывать соседу о своих терзаниях конечно не стоит, а послушать его Маня всегда готова. Лёха жалуется на снег, тяжёлую дорогу, раздевается и привычным маршрутом двигается на кухню.

Прикинь, вчера только с Тыктыкмыком за руку здоровался, а сегодня позвонили – умер.

- Фамилия какая необычная, у нас в городке живёт? - Маня откровенно тупит. Но Лёха не замечает, он на своей волне эмоций.

- Нет в деревне.

Маня сделала гостю кофе, уселась послушать отчёт о встрече с тёщей. Но Лёху захлестнуло событие с этим Тыктыкмыком.

- Прикольный мужик был, на 151-ом ЗИЛе ездил. Уже всю технику поменяли, а он вцепился в свой ЗИЛ, мертвой хваткой. Сам его ремонтирует. Болты на колёсах приварил, и переобувает машину чуть ли не на ходу. Завгар пытался силой пересадить упряма на КАМаз, не смог. Однажды случилась беда, дядя Миша решил залить воду при работающем двигателе. Ремнём несколько пальцев так и снесло. Пострадавшего в больницу, а завгар сразу за дело. Выкатил Зил за ворота базы и приговаривает, пока Миха лечится его и растащат

на запчасти или металлолом. Выпишется, а скандалить уж и поздно. Народ попробовал пожить в первую же ночь, но ничего не вышло. А наутро Миша уже знал о подлости завгара, сбежал из больницы и наотрез отказывался возвращаться, пока ЗИЛ обратно в стойло не поставят. Директор совхоза не выдержал.

- Раз так дорог, забирай себе, пусть во дворе стоит, как памятник!

ЗИЛ перегнали, ошастливленный дядя Миша подозрительно быстро выздоровел. Обозвал себя предпринимателем, и нахваливая выносливость машины-ветерана, принялся подыскивать заказы для перевозки. Подрядился доставлять капусту. Фермер после первого же рейса обалдел. Расходы на топливо, больше чем стоимость груза. Спрашивает у всех, неужели столько жрёт этот ЗИЛ? Народ невнятно мычит, мол да, расход у машины большой. Никто дядю Мишу не сдал. По договору он заливал перед рейсом полный бак и брал на заправке чек. Только к баку доведском заполнял доверху столитровую железную бочку. Второго рейса Миша с ЗИЛом не получил, но долго ещё не сдавался. Находил заказы и обувал лохов, приторговывал топливом да обихаживал свой ненаглядный ЗИЛ. Я и летом видел, как он на нём за дровами рулил. И сейчас, вечером снег чистил, да так бодро, казалось вечный. А лёг спать и не проснулся.

Маня представляет жилистого мужика в фуфайке и шапке-ушанке с загнутым в сторону ухом. Лежит он дома, а ря-

дом лопата. Городской Мане, детали деревенского менталитета расшифровать трудно, но Лёха такой рассказчик, что картинки событий проявляются в фантазиях сами собой. Лёха замолкает, а Мани для ясности не хватает одной детали:

- А фамилия такая как думаешь откуда?

- Чья?

- Ну, дяди Миши с ЗИЛом.

- Так от машины и прозвище. Он нас пацанов водить учил.

Посадит на пассажирское место и показывает, как скорости переключать. Первая, говорит –тык, вторая тоже тык. Третья ужен мык. А потом разгон, и взлетаем. Так носился, что мы только зубами стучали в его кабине.

Помянул сосед доброго дядю Мишу второй чашкой кофе и тремя сигаретами, поднялся. Пора домой. Маня не против, провожает и прислушивается к себе. Мысли о бренности любой жизни, наконец оттеснили навязчивую тему с собранием акционеров.

Она включила новости и принялась чистить горбушу. Работает и думает о Теодорочке. А ещё о русских и тех же украинцах, которые пытаются стать в Латвии своими. Русские на Украине, которые успели занять там своё место, разбогатели и сами стали разгонять волну противостояния. С них, наверное, ещё спросится и за базы НАТО, и за навязанную России войну. А те, кто поехал в Латвию по распределению, осели там, обзавелись семьей, не справились с языком. К Теодоре, такие подружки на хутор приезжали. Чей-то

день рождения справлять. Накануне у Мани свои гости были, день авиации праздновали. Пели про пилота, который любимую на верность настраивал – «Мне сверху видно все ты так и знай» разносилось над рекой, раскатывалось. Теодора с Янисом присоединились к лётной компании. А на следующий день девочки прибыли с шампанским. Маня пообещала позже подойти, занята была. Закончила всё, приделась и идёт по секретной тропе со своим кошачьим эскортом. Бозя и Серый за хозяйкой следили всегда. Тропинка узкая, только садовая тачка и пройдет, по обеим сторонам туи разрослись. Маня шагает по зелёному коридору и слышит, как чистый голос выводит: «Нарьянмар, мой Нарьянмар – городок не велик и не мал...». Остановилась даже, слева участок в низине хорошо просматривается. А справа дом режиссёра, у него часто спектакли разыгрывают. Даже обычный семейный праздник обязательно с представлением. Соседей приглашают, Маню с Глебом тоже. Всё на латышском, подруга переводит Мане, соседка своему мужу французу. Тот сидит со своим саксофоном тоже в программу включен.

- Неужели и русские песни включили в репертуар? – Удивляется Маня, старшие ещё говорят на русском, а молодежь ни бум-бум. Маня на своём усечённом латышском, да жестами, понимали как-то друг друга. Поворачивает с тропинки – у режиссера никого, дом закрыт. А поют у Теодоры под навесом.

Маня со своими пирогами подходит:

- Какой у вас неожиданный репертуар?

- О своем родном городе пою. – Юля, дизайнерша, раскрывает для объятий руки. Блондинка с характерным разрезом глаз, росточком ниже Мани. Что удивительно, Манюня со своими 160-ю в любой компании была самой маленькой, если конечно не надевала платформу и каблуки. Звали нарьянмарскую дизайнершу Светой. Родители остались в

тундре, дети уже с гражданством и свободным английским работают в Лондоне. А она смогла оформить только постоянный вид на жительство. Латышский язык давался бедолаге с трудом. Может потому, что она жила в твёрдом убеждении – по международным меркам латышей на планете не больше 10 миллионов, в самой республике и двух не наберётся. Язык считай, что мертвый. Может и так, но сегодня будущее русских определяют политики с латышским менталитетом и подходом. Они устанавливают правила, а Света хоть и живёт в юрмальском особняке с соломенной крышей, остаётся для всех пришлой. Заказы её раскрученной фирме дают охотно, но на политические и элитные тусовки не зовут. Часть Маниных знакомых с русскими фамилиями и латышским гражданством, предпочли переселиться в Италию. Там на национальность особого внимания не обращают. А у латышей свои исторические претензии. Да ещё и репетиторы европейские, умело так, готовят вчерашних советских к жёсткому противостоянию.

Блогер, Кирилл Фёдоров о русских латышах сказал – люди второго сорта. Он знает, о чём говорит – учился в Риге на юридическом факультете.

Тютчев, давным-давно писал: «Как вы не гнитесь, господа, вам не сыскать признания Европы, для них вы будете всегда не слуги просвещения Европы, а холопы». Нет более жестокого раба, который стал хозяином. Пусть республика и маловата, зато за спиной сильные и хитрые страны, веч-

ные противники России, которые с развалом Союза получили возможность вчерашних братьев превращать в жестоких и бескомпромиссных врагов. Путин далеко, а Света вот она под рукой. Сегодня уважаемый специалист, а завтра поставит не правильный коммент и уже агент Путина.

Теодора вчера предупредила Маню – не надо сейчас квартиру продавать, деньги у русских отнять легко, недвижимость сложнее. И напомнила, как раз о Светлане. Какие-то у неё проблемы тоже возникли. А когда тебе под 70, потерять всё что нажито страшно. Одна надежда на детей, но и они в этом Лондоне тоже живут по чужим правилам.

Здесь в России тоже, законы и правила писала не Маня. И что-то в них не ладно с самых первых дней нью капитализма. О ваучерах говорили и писали достаточно, а вот акционерные баталии остались вне поля зрения. Первые ЗАО росли как грибы в ресторанах, небольших магазинах, булочных, универсамах и универмагах. Каждый сотрудник назывался акционером, а в течение года единственным собственником предприятия становился директор. Можно пару раз не выплатить зарплату, организовать в отделе недостачу и предложить рассчитаться акциями. В «Торговке», акционеров просто внесли в список, но если ты по доброй воле увольнялся или тебя вынудили это сделать, доля в газете перераспределялась среди оставшихся. Тот же фотограф, продал свои акции в известном московском ресторане, купил на них машину. Пришёл как засланный казачок в «Торговку» и обзавёл-

ся почти сразу пакетом в 10%. Поговаривают, что Главному он отстегнул десять цен по купленной доле. Хитрый Каинов покупал право, а остального добивался умелыми интригами. У восточных людей на них особый талант. Шляпина сказала, что в списке акционеров, которые приедут в Егорьевск, есть сын фотографа. Фамилия у него правда другая. Подросли наследники, заматерели утвердились в своем праве. Если ЗАО, под маркой газеты, ещё живёт и здравствует, то они легко обходились в течение 20 лет без Маниного мнения и 10% её голосов. Значит сейчас наступил час X, в который всё следует оформить аккуратно и с максимальным соблюдением закона. Даже в газете, каждое акционерное собрание было местом схватки, скинуть главного пытались многие, а сделать это можно было только во время выборов правления и председателя. Расклад сил тщательно просчитывался. Маня и сама готовилась к такому собранию, когда Люся Славская гарантировала поддержку. А перед началом перестала откликаться на звонки. Так же поступила и покойная Марго Рысикова. Сейчас сам сбор организован побогаче, а если на кону особняк, то и схватка будет куда жёстче. Может Мане запросить финансовый отчёт за последние три года? Точно! И как ей это раньше в голову не пришло. Она снова открыла снимок письма нашла адрес электронной почты и села составлять письмо. Мол с учётом игнорирования моих прав, как акционера, в течение 20 лет, настоятельно прошу отправить мне финансовые отчёты за последние три года. По элек-

тронке, это филькина грамота. Надо бы распечатать подписать и отправить заказным, почтой. Но всё равно,

нажала энтер и успокоилась. Отчёт конечно никто не пришлёт, но у неё будет повод заявить на собрании протест и проследить чтобы этот протест внесли в протокол. А через минуту пожалела – зачем лезть на рожон? Она уже отказалась от встречи, и Шляпиной ничего не обещала. Останется дома сидеть на попе ровно и все дела. Никто её силой в этот Егорьевск не повезёт. А если уж есть нужда в её участии, пусть приезжают сами. Если они на самом деле акционеры. Маня помнит, что список реальных участников ЗАО был зафиксирован в едином государственном реестре. Там же должны регистрировать и протоколы ежегодных собраний акционеров. Должны, но не обязаны. Нет, не так, протоколы поступали и учитывались до тех пор, пока со стороны акционеров к ЗАО не было никаких претензий. К слову в списке акционеров никаких Каиновых и их детей и в помине не было. Полное подтверждение первичной регистрации в её руках. Может за этим пакетом и открыта охота? Тогда из Егорьевска, без получения первичных уставных документов уехать ей никто не даст.

Господи, о чём она думает? Зачем ей это ЗАО, неизвестный особняк и чужие мажоры, которые изображают акционеров? Глеб прав, одной ей оставаться нельзя, обязательно наделает глупостей. Сначала звонок, теперь письмо. Да ещё и долгий разговор со Шляпиной. А может ей заплатили, чтобы

выманила Маню на собрание? Предавший раз, предаст ещё. Так кажется говорится.

От таких мыслей заломило в висках. Перед сном Маня проглотила две таблетки цитрамона и долго крутилась под одеялом. Не помогло и прослушивание традиционных вечерних аудиокниг. Звук просто не достигал сознания...

Глава 6

Утро неопределенности - настоящее испытание. Определить во сколько муж вернется со смены решительно невозможно, всё зависит от погоды и доброй воли коллег. Если дороги расчищены, Макс приедет на службу к 8-ми. Глеб передаст смену, отпустит сотрудника пораньше и тот привезёт благоверного домой. Значит в 8.30, 8.40.

Надо залить кипятком овсянку, чтобы успела настояться. Впрочем, с завтраками никаких проблем, в любое время в холодильнике спасательный творог и кефир. Над этим даже голову ломать не надо. А вот продумать в каких формулировках и с каким акцентом доложить ему о звонке в ЗАО и его последствиях, надо как следует.

Ну например – Представляешь, я позвонила чтобы сообщить... они перезвонили и сказали, что готовы забрать меня прямо в Малино...

Муж конечно не станет называть её вслух душой, подумав конечно подумает. Напомнит, что сейчас по номеру мобильного легко определяется место расположения. А по уличным

камерам и системе распознавания лиц, любые передвижения личностей по городу. Они постоянно смотрят сериал «След» и этот ФЭС раскрывает преступления на раз два. Погони конечно в сюжетах, но в основном сидит в офисе толстый обжора-программист и колдует в сети. Пощёлкает по клавишам и вуаля – номер абонента ночью был здесь, а к обеду переместился туда. Там встретился с таким-то телефоном... Оперативникам пересылают адрес, им остается приехать и повязать преступника. Всё, сушите сухари господа хорошие. Если успеете, пока за вами едут совсем не господа, но очень серьёзные и сильные полицейские из ФЭС.

С полицией у Мани никаких проблем, да и с акционерами ЗАО «ТГ» тоже. Так что сам по себе её звонок и серия ответных ни к какому криминальному следу не подталкивает. Это в качестве аргумента, чтобы оправдаться перед Глебом за своё любопытство. Потом придётся рассказать о звонке Шляпиной. Торговские баталии проходили у Глеба на глазах. И тянулись целых три месяца. Все летучки и собрания правления Маня записывала на диктофон. Просто выставляла его на стол и включала. Расшифровывала, тогда цифровые только появились, но в редакции все пользовались обычными. Так что помимо основной работы, вечерами она садилась за компьютер и текстом набирала всё, о чём говорили за столом главного. Потом рассылала по электронной почте всем сотрудникам газеты, чтобы в корне пресечь пересуды и передёргивания. Тамара Фисова из Ростова, позвонила по-

сле третьего файла и заявила, – читаю как детектив. Кошмар в благородном семействе!

Получала такие письма и Шляпина, в редакции она появлялась не чаще, чем через три недели. Приезжала отслеживать свою коммерческую полосу. Вычитать, согласовать, оплаченные рекламные статьи, уже свёрстанные с иллюстрацией, отправить заказчику.

Одним словом, Маня готовилась к схватке, чтобы припереть цифрами и фактами деда, заставить главного вернуть редакции несправедно украденные деньги и уйти на пенсию подобру -поздорову. Внешний аудит решили не приглашать, назначили комиссию из собственного коллектива. Секретарь рекламного отдела сопоставлял приходы и расходы в двух вариантах безналичном и наличном. Закончив первое полугодие Галина примчалась к Мане с выпученными глазами.

- На полмиллиона не сходится!

- Ты главное всё в акте проверки отражай.

Маня вычитывает очередной материал, предлагает Гале сигарету. Её кабинет, единственное помещение в редакции, где можно покурить. Бегать на лестницу некогда.

Галина на первом этапе была Маниной союзницей, пока под свою опеку председателя ревизионной комиссии не взял новоявленный фотограф. Сначала приносил Галине кофе, потом стал отвозить трудягу вечерами домой и встречать у метро по утрам. Маня решила, что завязался очередной редакционный роман. И это её не касается. Через две недели

главный собрал редколлегию, объявил, что рекламные поступления резко выросли, прогнозы хорошие и зарплата сотрудников центрального аппарата поднимается за 25%. Увеличивается и объем гонорара сразу на половину. А ещё он ложится в больницу на плановое обследование и под полное управление, включая финансовое, газета переходит к первому заму Марии Константиновне.

Это для Мани была неожиданность. Она тут же публично отказалась от финансовой нагрузки. Торговое образование и короткий опыт, открыли ей плюсы и минусы материальной ответственности. Предложила всё, что нужно подписывать по части бухгалтерии, привозить главному прямо в клинику.

Народ повышению зарплаты поаплодировал. И принялся по углам шептаться – никакой массовой рекламы в газете нет, значит внутренний аудит заставил хапугу делиться с корреспондентами.

Маня на такие разговоры реагировала отстраненно. Мол обсуждать имеет смысл только готовый результат аудита. А сейчас это просто сплетни. Предусмотрительней ей надо было поступать. Обсуждать ситуацию со всеми желающими, придерживая собственное мнение, выслушивать и учитывать чужое. А она, заметив, что народ стал приходить в редакцию пораньше, задерживаться подольше, объем готовых материалов не увеличил. Сбивался в кучки по отделам и судачил часами.

Аудитор Галина неожиданно изменилась, стала шарахать-

ся от Мани, на вопрос как дела отвечала идут и тут же исчезала. Шляпина прибыв с очередной полосой спросила Маню:

- А что это у нас за премии размером с зарплату?

Замороженная Маня пожала плечами. И удивилась, что в бухгалтерию корреспондентов приглашают по одному, дают расписаться в ведомости, а вручая конверт предупреждают не болтать. Мане никакого конверта не вручали, Шляпиной тоже. Но не болтать в редакции не могли. Это потом Маня поймёт, что колеблющихся акционеров просто подкупали. И как выяснилось, не зря старались, уже за неделю до проведения собрания стало ясно, что сотрудники центрального аппарата дружно поддержат главного. Ревизор Галя к собранию не успеет закончить проверку, а её результаты акционеры обсудят позже. По официальным финансовым делам, как всегда доложит главный бухгалтер. За пару дней до собрания Шляпина зашла к Мане, прикрыла поплотнее дверь кабинета и виновато опустив глаза произнесла:

- Я буду как все, за главного. А тебе советую заранее сообщить, что ошиблась и во всём его поддерживаешь.

- Ты советуешь или?

Шляпина ответила – или. Этим вечером Маня нашла свой Ниссан на парковке с четырьмя проколотыми шинами. Глеб вызывал эвакуатор и лечил машину. А Мане позвонил незнакомый хриплый голос и поинтересовался, всё ли она правильно поняла.

Не всё, но кое-что до Мани дошло в день, когда в редак-

цию стали съезжаться соборы и советовать ей не гнать волну. Маня проиграла эту схватку и сразу же ушла из газеты. Оставила заявление за свой счёт и принялась раскручивать газету городского поселения. Там ей дали зарплату в четыре раза больше, чем в Торговке и полную свободу действий. Главный пробовал справиться с газетой самостоятельно, но куда там. Работать он никогда не умел. Призвал на помощь Шляпину – тоже едва справились. Пришлось приглашать ответственного секретаря и выпускающего. Да звонить периодически Мане, мол всё бывает в жизни. Финансы одно, а редакционная солидарность другое. Зачем же сразу дверью хлопать.

Она не просто хлопала, она отползла, поняв, что помочь умирающему изданию уже невозможно. Но и участвовать в его преждевременном умерщвлении тоже не может. Маня уже знала, главный давно продал помещения газеты, из трёх этажей оставив только один. А богатая библиотека, созданная несколькими поколениями ни на каком, ни на складе, растащили по домам. Страна рушилась и народ тащил под себя всё, что мог унести. Завхоз Министерства торговли СССР, получив согласие обитателей здания, оформил аренду на 50 лет. Согласие понятное дело не бесплатное, а давал его главный. Просто оформил договор вторичной аренды на меньшую площадь и деньги, полученные от продажи права на остальные две трети, вложил в строительство второй дачи. Оставалось скрыть эту сделку путём ликвидации газеты.

А она оказалась живучей, собкоры работали за 100 долларов в месяц, а когда встал вопрос о ликвидации, сети корреспондентов на местах подняли бунт. Пришлось идти на попятную. Завхоз министерства разбогател и заматерел. Присутствие редакции в здании, портило целостную картину. И сбивало цены. Главный редактор, потеснив своих сотрудников, умудрялся самостоятельно сдавать две трети оставшихся помещений и делиться не спешил. Надо было закрывать редакционную тему раз и навсегда. Так и внедрил в торговку своего человека, фотографа. Перспективы хорошие, нашёл-ся среди сотрудников камикадзе, скинет жадюгу и можно аренду не продлевать, пусть идут со своими компьютерами куда хотят! Вариант конечно не очень, писаки начнут строить жалобы во все инстанции, и арендно-коммеческую матрёшку могут разобрать. Признать долгосрочную аренду здания неправомерной и тогда всё рассыплется. Идеальный вариант выкупить занозу с потрохами. Влезть легально в арендаторы.

Маня представляет фигурку главного в роли самой маленькой матрёшки, выстраивает предполагаемые рассуждения за завхоза и машинально протирает стеновую панель над плитой. Солнце высветило жёлтые разводы на белой поверхности. Газ при горении оставляет следы на всём. Занавески приходится замачивать раз в неделю, опрыскивать антижиром шкафчики тоже. Их она оставит на потом, до приезда Глеба дай бор справиться с панелями. Айфон пикнул, Ма-

ня отложила салфетку. Наверное, Глеб определился со временем. Оказалось, нет. Шляпина прислала серию снимков с подписями. Четыре, и все с похорон. Маня увеличивает кадры и всматривается в лица первого кадра с надписью, «У Черных. Похороны». Горстка людей полукругом стоит вокруг гроба, заваленного цветами. Маня с трудом узнает в толстухе Шляпину, по причёске определяет Кабанову, девочек из рекламного, и догадывается, что эта с опущенными плечами Люся Славская.

- Я дома! – Кричит из коридора Глеб. Маня спешит помочь «туристу» снять рюкзак. Когда нет машины, Глеб отправляется на службу как турист. За спиной провиант на сутки и сменная футболка с носками. Лямки муж подтягивает так чтобы рюкзак прилегал к спине плотно.

Маня у своего оставляет свободными, а Глеб наоборот. Так что снять без посторонней помощи, настоящая проблема. Разоблачив трудягу, она отправляется накрывать стол к завтраку, и пока муж переодевается в домашнее, выстраивает первую фразу признания в своем грехе.

- Я вчера позвонила в это ЗАО. – Глеб не удивлён, спокойно размазывает клубничное варенье по поверхности каши.

- Сказали, что сожалеют о том, что её не будет. И даже предложили приехать и забрать из дома, а потом привезти обратно. Мол 70 километров это совсем недалеко.

- Вычислили значит по номеру телефона.

- Наверное. - Виновато мямлет она. А потом скороговоркой сообщает, что звонила Шляпина, она намерена поехать и тоже предлагает забрать с собой. И обратно доставить тоже.

- Ты конечно согласилась? – Маня натывается на твердый взгляд мужа.

- Обещала подумать.

- Долго? Завтра уже заезд на базу.

А это Маня выпустила из виду. Если ехать, надо уже начинать собирать вещи. Машина с Шляпиной придёт к обеду. Пока дотащатся сюда из Москвы, потом в Егорьевск. Сыну Светкиному ещё и домой возвращаться. Глеб возвращается к завтраку, а у Мани звонит телефон.

- Привет это Света, мы завтра к часу планируем быть у тебя. Сбрасывай точный адрес для навигатора. И никаких

отказов!

Глеб слушает громкую связь и не реагирует.

- Хорошо. – Отвечает Маня и отключившись говорит мужу. – Завтра с утра позвоню и сошлюсь на здоровье.

- Опять юлишь! Вижу, что решила. Значит поезжай, чтобы потом себя не загрызть и меня заодно. А я подумаю, как тебя подстраховать.

- Считаешь надо?

- Бережёного Бог бережёт.

День покатился своим чередом, посуда, суп. Потом на диванчике дорожная сумка с разинутым зевом. Первым делом Маня кладёт в неё спортивный костюм и начинает подбирать наряды. И параллельно вспоминать советы Глеба перед той самой схваткой в Торговке.

- Просто напиши заявление прокурору о наличных оборотах за аренду и хищении средств в течение нескольких лет главным.

- И газету закроют.

- Не факт, воровала не редакция, а её бессовестный руководитель.

- Скандал отвадит рекламодателей.

Маня, помаявшись садилась за компьютер и начинала, «Уважаемый прокурор! Довожу до вашего сведения, что...». Потом обзывала себя стукачкой и с брезгливостью удаляла файл. Перед сном думала – воровать главному не стыдно, а остановить его с участием специально обученных служб,

считается неприличным. Интересно почему? Маня решает завтра с утра написать-таки письмо прокурору и отправить его заказным письмом. Но утром отвлекали дела и грызли сомнения. А главного никто не грыз он твёрдо разваливал выстроенную Маней ловушку и готовил ответный сокрушительный удар.

В ходе позиционных боёв появились первые потери. Марго Рысикова не принесла в редакцию заявленный материал и два дня не отвечала на звонки. Маня обратилась в отделение полиции по месту жительства экс подруги и коллеги. Дверь вскрыли и нашли Марго уже остывшей. Маня и Славская стали искать документы и обнаружили четыре редакционных конверта с деньгами. Люся пересчитала и бормочет:

- Мне только одну премию выдали...

Второй жертвой противостояния стал фотограф. Маня последний раз видела его в переходе, фотограф направлялся в редакцию, а она уже домой. Окликать коллегу не стала, просто отметила знакомую фигуру взглядом и не сбавляя шага продолжила путь. А через час Каинов присел в коридоре на редакционное кресло и умер с телефоном в руках. Набирал номер министерского завхоза.

Но собрания главный решил не переносить и не отменять. Для закрепления своего статуса всё было готово. Затянешь время и упустишь из рук ситуацию. Маня помнит, как объявил он о своём решении на летучке. Все промолчали...

Через полтора часа сумка была практически готова. На

три дня много вещей не требуется. И всё равно некуда было положить туфли к вечернему костюму, Маня не стала заморачиваться платьем для коктейля, у неё давно такого нет. Достаточно будет туники и кожаных облегающих брюк. Они же подойдут под свитер блузку и кардиган. Брать дополнительную котомку не хотелось, и Маня решила ехать сразу в спортивном костюме, тогда всё замечательно поместится.

Глеб сосредоточенно сидел за компьютером, Маня решила его не отвлекать, перекурила и отправилась в душ. Надо ещё подкрасить волосы и перебрать косметичку, чтобы лишнего не тащить. Дел и так полно, чтобы спорить или обсуждать эту неминуемую поездку. Это потом она поймет – надо было и спорить, и обсуждать, соглашаться и тогда бы всё обошлось малой кровью.

Глава 7

Ужинали втроём. Лёха отказался от диетической горбуши, шумно прихлебывал кофе, Глеб сосредоточенно перебирал розовые кусочки. У него судьба такая, если попадетсЯ хоть одна самая крохотная и тонкая косточка, обязательно воткнётся куда ни будь поглубже. Маня, поглядывала с благодарностью на завернувшего в гости соседа, но успевала и кушать, и вовремя задавать вопросы. Так, чтобы не допускать никаких пауз, проморгаешь и Глеб приметсЯ развивать тему Маниного клятого акционерства.

У соседа праздник – сына отпустили в отпуск. Прибыл мо-

лодой папаша крестить сына напрямиком с передовой. А мог и не приехать совсем. Накануне попал под обстрел, один из дронов по касательной задел тент КАМАЗа.

- В кузове снаряды, а Ванька от обстрелов под машину нырнул. Лежит пережидает. А если бы следующий в кузов угодил?

Лёха и радуется, что обошлось всё, и боится за кровинушку.

Маня слушает и думает – а мы здесь как крысы что-то делим, то прибыли, то акции. Мажоры марками машин соревнуются. Интересно на чём они в Егорьевск приедут? Надо будет сфотографировать автопарк и сразу отправить Глебу. Только так чтобы номера каждой захватить. Мало ли понадобится. Завтра она увидит на чем ездит сынишка Шляпиной. Даже интересно, Маня знает, что он поёт, слышать не доводилось. В мейстрим Шляпин наследник попадает в качестве альфонса, женится на хорошо поживших богатых дамочках, а потом их бросает. Этому альфонсу, продюсера министерский завхоз предоставил, как пить дать. За Светкину сговорчивость. Подарила часть своих акций, обеспечила проникновение в ЗАО нужных людей. Не баба, а Троянский конь какой-то. Пожалуй, она своей долей в газете распорядилась лучше всех. Главного конечно не опередила, свалил он от ответственности можно сказать весь в белом. При солидной недвижимости и довольных наследниках. Даже с последнего редакционного юбилея все подарки, включая музыкаль-

ный фонтан и резные из кости шахматы, увёз. А четыре диковинные вазы, заставил девочек из рекламного тщательно завернуть в свежие номера газеты. Какое кощунство! Подарки изданию приносили дорогие, – торговля никогда не скупилась. Уж если примет приглашение на праздник родной газеты, придёт с чем ни будь особо ценным, да ещё с адресом старательно выписанным художником. Адреса в папках складывались на полки в кабинете главного, а особо ценное отправлялось прямиком в квартиру, свою или сына. Остальным от сдыхающей овцы – Торговки, досталось по клочку шерсти, а Шляпиной солидная часть шкуры и клочок, в виде пяти акций про запас. Ими она теперь и козыряет, с ними надеется получить что ни будь на этом странном собрании акционеров. Надо будет забить в реестр название, хотя бы убедиться в том, что ЗАО вообще существует.

Маня выныривает из своих рассуждений прямиком в монолог соседа.

- Ванька армейским рукопашным боем с детства занимался. Служил в десантуре. Готовили их к специальным операциям. Отрабатывали заброс группы, и ребятам приходилось прятаться так, чтобы в течение суток никто не нашёл. Обнаружат раньше, чем истекут 24 часа – зачет провалили задание.

А Лёхин Ванька парень простой, задиристый. Хорошо, что рано женился, а то бы вляпался куда ни будь. Невестка попалась ответственная и добрая. Ванька на СВО с пер-

вого дня, а она вот сына родила. Ездил к нему на встречу несколько раз. Ждёт теперь.

- Скоро пятый год пойдет. Мобилизовали его с первого дня. А конца этой войне и не видно. – Лёха вздыхает, Глеб отставляет тарелку.

Маня от мойки говорит Лёхе:

- Посоветуй Ване заявку на обучение подать. После войны герои в политику пойдут, в чиновники.

- Некоторые уже пошли, у нас в деревне самый горький пьяница украл мешок зерна попался, а ему на выбор – судить будем или контракт подписывай. Выбрал контракт, ранили. Вернулся без руки ходит гоголем учится где-то заочно, говорит коммунальную систему всего района скоро возглавит. Только пьет больше прежнего. Какой из него руководить получится, не знаю. А Ваня пусть сам решает.

Мужики заговаривают о машинах, а Маня думает о своём. Они с Глебом живут в своём режиме, военные в своём. Над ними есть ещё режим жирных котов. Эдакая страна разных скоростей. А они с Шляпиной уже завтра двинутся со своей черепашьей скоростью в это кошачье логово. И вечером она вынуждена на время перейти на режим жирных и довольных, попробовать их, понять и умудриться от них не пострадать. Даже морально. Маню пробил лёгкий озноб.

Но она не даёт панике забурлить, вспоминает новость дня и начинает смеяться. В Италии конфисковали яхту русского олигарха, Андрея Мельниченко. Теперь тратят почти по

три миллиона в день на её обслуживание и охрану. Чтобы покрыть расходы, решили устраивать экскурсии по арестованному имуществу русского богача.

Маня прочла и подумала, небось этот Мельниченко взятку дал, чтобы поставить яхту под арест и не заморачиваться. А так, стоит себе яхта на якорь в Триесте уже 4 года, стоимостью около 44 миллиардов рублей. Никто её не сожжёт, не угонит. У туристов визит на яхту пользуется спросом несмотря на то, что билет стоит от 154 до 438 долларов.

Хорошо устроился олигарх-соотечественник, ничего не скажешь.

- Останавливают Ваньку на посту и давай отчитывать, мол что с рваным тентом ездешь, армию позоришь. Быстро за-

мени!

Маня вслушивается и понимает, Ваню после обстрела в рейс отправили. Начальника, на фронте внешний вид КАМАЗа не смущает, а тыловые считают по-другому. Им по фигу, что водитель с передовой. Стоят с автоматами на перевес приказы раздают. А парень и так все запчасти на служебный КАМАЗ за свой счёт покупает. Да втридорога у перекупов. Спрашивает у командира почему так, а тот ему в ответ, мол тебя никто не заставляет. Можешь не ремонтировать, а встанешь тоже ничего, – штурмов всегда не хватает.

На богатых и бедных, советские люди делились у Мани и Глеба на глазах. Сначала разрешили кооперативы и Маня оказалось в одном, вместе с матушкой Невзорова. Буклет к выставке печатали в типографии города Пушкина. Ей досталось отслеживать соответствие цветов. Потом, как грибы после дождя, стали появляться коммерческие банки и биржи. Облпотребсоюз не дремал. Маня, прежде чем ехать домой и садиться за репортаж, после торгов забегает на улице Желябова в главную контору потребкооперации, распечатки спроса и предложений показать. А те сравнивают биржевую стоимость фондовых товаров на масло, муку и репу чешут. Купили журналистке места сразу на двух биржах. А Мане они зачем? Как зачем? Будешь нашу муку и масло продавать. Навар 300%. Маня находит брокеров, отправляет их на торги, а сама строчит материалы. Интересно, где они сейчас, эти безумные брокеры? Заматерели небось, переженились, котте-

джи понастроили мажоров вырастили. Помнят ли, кто привел их в бизнес и сразу обеспечил связями? После первых же заработков в Облпотребсоюзе оживились, включили Маню в какое-то ЗАО с участием Гатчинского райпо. Съездили зарегистрировали, подписали. Отметили в ресторане, все радуются, а Мане невдомёк, она то в этом обществе каким боком? Тут пресс-тур на носу на целых три недели круиз. Через полгода попросили её написать заявление о добровольном выходе из ЗАО. Написала. Потом страну накрыла волна приватизации. В торговом мире Питера Маню знают, все оформляют документы и ей предлагают – клювом не щёлкай возьми универсам. Маня шалее узнав, что глава исполкома областной торговли переквалифицировался в директора Пассажа и приватизирует его. Скоро все оптовые базы, включая овощные становятся частными. Теперь хранить картошку и капусту им запахло. В помещениях с кондиционерами стоят компьютеры, стиральные машины, мебель. Некто Миллер, тайком ремонтировал у Глеба в нелегальной мастерской, свою старенькую иномарку, сам помогал гайки крутить. А как потом взлетел? Глава Газпрома. Может права Юлька, – матушка у неё и в самом деле лохушка. Вцепилась в газету мёртвой хваткой пока вместе с зубами изо рта не выдрали. Или каждому свое? Богатых в отечестве массово ненавидят считают их ворами, которых тюрьма ждёт не дожждётся. А с них как с гуся вода. Потому что с бедными они не пересекаются – молодежь тусуется в своих клубах. Старшие общаются в кругу

своих. А остальные – обычная бессловесная обслуга, включая и солидную часть журналистов. Коттеджи никто не поджигает, стёкла машин не бьют. Охрана надёжная проверенная. Может и настанет время, когда их бал закончится. Может быть, только точной даты никто назвать не может. Даже ориентировочно.

Маня не против состоятельных людей – пусть себе обжираются икрой и баблом, на сколько здоровья хватит. Раздуряются друг перед другом от важности как индюки. Даже хорошо, что предпочитают селиться в охраняемых коттеджных посёлках. Сами себе создали резервацию, отделившись не только от общества неудачников, но и от страны. Они тоже граждане, а Маня, она патриотка. Ей самой ни яхта, ни вилла не нужны даже даром. А вот качественное и доступное медицинское обслуживание требуется. И продав квартиру в Латвии, ей хотелось бы получить за неё деньги честно и прямо. А не отыскивать левые крипто кошельки, рискуя напороться на дырявый. Полдня потратили на регистрацию, проверка по всем параметрам, а последней точкой подтверждения служит счёт оплаты услуг ЖКХ по адресу прописки. Эдакое экономическое фигурное катание без предварительной подготовки.

Скажите на милость, как при таких дотошных банковских проверках и допусках, из страны миллиардами утекают средства?

Чиновничьи взятки исчисляются миллиардами, целых 20,

умудрился похитить некто Александр Вороновский. Владимир Лепёхин считает, что никакой госконтроль не поможет. Коррупцированная система не может контролировать сама себя. Там работают другие принципы – рука руку моет. А как же 50 посаженных вице-губернаторов. Тот же Тимур Иванов из министерства обороны? Лепёхин эти громкие случаи называет отстрелом инфракрасных ловушек, при помощи которых система избавляется от наиболее откровенных и наглых казнокрадов. Игнорирующих внутрикорпоративные «понятия». И в такие ловушки не угодил ни один из 350-ти членов теневого ЦК, которые реально управляют Россией и дербанят её исподтишка. Трамп на весь мир говорит о сделках после которых наступит долгожданный мир на Украине. А о чём они? В отечественных изданиях держат рот на замке, проговариваются зарубежные. Дескать американцы получают роль посредника в транспортировке газа. Он прямиком из русских богатых недр пойдет по Северному потоку. Правда теперь уже с американской маржой, и никакой Евросоюз его не остановит. Куда этим Каям против Трампа. Лепёхин предлагает подкрепить госконтроль народным. Идея попахивает советскими методами. Но предлагать одно, а делать другое, может автору для начала обнародовать список этих 350 членов тайного ЦК. А уж их семейные кланы, народные контролеры пробьют сами и возьмут на карандаш. Лепёхин, автор идеи народной экономики, но лекции свои публикует на закрытом коммерческом канале.

Маня пораньше легла спать, сумка собрана, но не застёгнута. С утра ещё положит что-нибудь нужное и вынет лишнее. Она на массажном диванчике, как сигнал – завтра прямо с утра наступит непрогнозируемый день. Шляпина в городок может и не въехать КПП надежно перекрыта забуксовавшей фурой. Медики из скорой помощи шли к пациенту своим ходом. Если большегруз не уберут, Мане придётся идти к выходу пешком. Она отправила Шляпиной адрес своей, теперь уже не тайной дислокации, чтобы сын, забив его в навигатор нашёл дорогу. Лучше бы не нашёл. Может по причине снежных заносов предложить ему подъехать сразу к дырке в заборе. И идти к ней ближе, и место обитания беглой Мани останется условным.

Разнеженная Маня под лёгким теплым одеялом даже не представляет, какая правильная идея пришла ей в голову, сесть в машину Шляпиных не у подъезда, а прямо на трассе. Но мысль появилась, хвостиком вильнула и уступила место своим подружкам. Глеб нашёл в сети рекламу спортивной базы в Егорьевске. Похоже на проданный пионерский лагерь, с лыжами и санями для проката. Номера облагорожены, в каждом домике по два одноместных. Есть ресторан в охотничьем стиле, но ходить к нему придется по улице. Мане нравится возможность жить в номере с персональным выходом на веранду. Курить в номере ясное дело нельзя, а так накинул курточку сунул ноги в сапоги и выходи дыми пока нос не посинеет. Маня делится своим восприятием предсто-

ящего отдыха, а Глеб изучает маршруты проезда к егорьевской базе. Они ему явно не нравятся. От основной трассы три с половиной километра. Дорога асфальтирована, но сейчас зима и снежные заносы. Для сбора гостей, наверное, дороге расчистят, а если очередной снегопад разбушуется?

- Думаю, расчистят и в день отъезда. Небось оплачена аренда трёх дней. – Легкомысленно отмахивается Маня.

- Сдаётся мне, что база — это собственность одного из акционеров. И выбрана она не случайно. – Время покажет, Глеб от истины не далёк.

Но Маня смеётся:

- Чтобы вытрясти из меня акции и подпись на нужных бумагах, незачем вести в глухой лес. А потом, я вообще могла это письмо не получить, а собрание уже назначено. Совершенно нет повода ждать подвоха.

Она уже мечтает, как сядут с Шляпиной в её номере и станут делиться новостями, мыть кости общим знакомым, вспоминать ещё живую и мощную «Торговку», горевать об утрате.

Да, история завершилась не очень симпатично, но они боролись и верили. Опирались, правда на кривые факты. Но люди в вопросах, посолиднее газеты, руководствуются ложными фактами.

«Улица правды» для детей и взрослых выпускает свою историю государства российского, в которой прибавляют к летоисчислению 6000 лет. Мол Пётр первый вычеркнул эти ты-

сячелетия из истории Руси. По какой причине? Точно не ведомо. Есть значит в ней что-то особое. Не случайно тогда-же, Петр 1й велел отыскать и умертвить всех российских старцев, которым уже за 300 лет. Не за наглое же долгожителство старцев наказывали. Скорее всего за их знания.

Европа переписывает историю Второй Мировой Войны, а их в истории человечества было 19. Сегодня нет-нет, да появляется информация об ушедших в землю городах. Даже под Москвой есть такие здания. Что это, результат одного из шести всемирных потопов?..

Мы не всё знаем о прошлом, не только человечества, а даже собственного рода. Пеняем Европе за корректировку истории. А после победы революции, разве коммунисты поступили не так? Вычеркивая из реестров, фабрикантов, банкиров, дворян ради создания нового человека, не отягощённого собственностью и без оков условностей. Новый человек сформировался, выстроился и направился дружными рядами в светлое будущее коммунизма. А потом неожиданно свернул на кривую дорогу, породив уродливый капитализм современности. А теперь общество, как гремучая смесь, - мозг заточен на равноправие и справедливость, а реальность демонстрирует новых феодалов и беззаконие. Негоже засыпать с такими мрачными мыслями. Но сон наваливается и превращает лёгкое одеяло в тяжёлую плиту...

Глава 8

Чем более странным нам кажется сон, тем более глубокий смысл он несёт. Ещё дедушка Фрейд говорил.

Маня о нём вспомнила позже, не до Фрейда, когда тебя целой толпой спихивают в пропасть. Ничего не подозревая, Маня вышла с дорожной сумкой и направилась по тропинке к дырке в гарнизонном заборе. Туда в городке принято заказывать такси. Маня же шла, чтобы сесть в машину своей коллеги и отправиться на собрание. Нырнула в заросли, пропетляла полторы минуты и вышла... Вместо трассы она оказалась на самом краешке обрыва.

Машины были, но далеко внизу крохотные, разноцветные. Рассматривать их не стала. Страшно смотреть вниз. Тем более, что по краю, над которым она оказалась, до самой дороги ледяные горы разной высоты с острыми как шило краями. Маня попятилась чтобы отойти подальше. Сейчас она сделает пять шагов назад, а потом развернется и нырнет в заросли. Там тропинка и по ней бегом домой. Отшагала, повернулась и увидела, что путь отрезан.

На её пути стояла толпа. Некоторых Маня хорошо знала, в первом ряду Главный в джинсовом костюме и зеркальных солнцезащитных очках. Ноги на ширине плеч, руки в карманах. Рядом с ним слева редакционная дива с оперным голосом. Как всегда, тщательно накрашена, выбеленные волосы спадают на салатное летнее платье. А в руках свёрнутая в трубочку стопка бумаги из которой торчит кончик ножа. Секретарша Черных, в традиционных мешковатых штанах и

летней блузке. Рекламные девочки стоят в сторонке, они никогда первыми в бой не лезли. Ждали, у кого будет перевес, и потом открывали рты для скандалов или обвинений. Подружка Марго, в красном комбинезоне и белоснежной марлевой блузке, стояла к Мане вполуборот, уперев правую руку в бок и смотрела на главного.

- Как всегда ждёт команды, – подумала Маня и отметила семь фигур в строгих костюмах, галстуках и тщательно начищенных ботинках. Эти были одеты по сезону – куртки аляски с капюшонами. Только расстёгнуты. Никто не двигался, замерла и Маня. В голове мелькнуло – как им не холодно зимой без курток, сапог и перчаток. Потом вспомнила, на первом фланге выстроились редакционные сотрудники, которые уже ушли в мир иной. А рядом, наверное, охранники главного. Ишь, целую команду нанял на редакционные деньги. Зачем? Сумка оттягивала руку, толпа молча стояла на пути. Маня сделала шаг в её сторону, и люди напротив шагнули два раза ей навстречу. Она отступила на два шага, и людская стена тоже дважды переступила ногами. Маня вспомнила – от пропасти, она сделала пять шагов спиной, потом один уже лицом вперед. Значит до обрыва остается всего четыре.

- Что вам надо? – Хрипло спросила она и попыталась вынуть из сумочки телефон. Это не так-то просто, сумочка с тремя карманами, каждый застегивается на отдельную молнию. Маня надевает её поверх куртки, удобно, всё в доступе. И банковские карточки, и телефон, и маленькая бутылочка

с водой и сигареты. Телефон в крайнем отделении. Но молния не поддаётся, пальцы не слушаются. Перчатка зацепилась за бегунок. На редакционных лицах злорадная ухмылка. Все стоят, а Марго делает шаг в её сторону. Маня продолжает Рысикову считать своей подругой и не боится её – стоит на месте смотрит и ждёт. Чего? Группа тоже приходит в движение, на кончике ножа отражается луч солнца, Маня отступает ещё на шаг, в запасе осталось два. Пора поворачиваться в сторону обрыва, иначе придется лететь вслепую.

Она начинает поворачиваться, в сумке звонит телефон. Ответить невозможно, но оттуда голос Шляпиной.

- Мы кажется на месте, а тебя не видим.

- Я здесь, и не одна! – Вопит во весь голос Маня чтобы там внизу обрыва её услышали.

- Дура! – произнёс голос Главного. Странно, он никогда никому не грубил. За него это делали шестёрки. Маня оглядывается и видит, что фигуры поблёлкли, через них уже просвечиваются ветки деревьев, исчезла охрана, но прозрачные редакционные фигуры приближаются.

- Помогите! - Вопит Маня оступает и... просыпается.

За окном светло, часы показывают 9.30. У двери растерянный и заспанный Глеб.

- Падала в пропасть. Во сне. – Мямлит Маня.

- Растёшь значит. – Подводит итог муж и уходит досыпать.

Расти Маня не может, разве что в обратную сторону. В Обнинске, в отделе реабилитации, её взвешивали и замеряли

рост. Маня считала, что метр шестьдесят два, а шкала показала метр пятьдесят девять. Наверное, наступил возраст обратного роста.

Про Фрейда Маня вспомнила уже на кухне, выпив воды и прикурив сигарету. И какой смысл в этом сне с обрывом и упокоившимися сотрудниками центрального аппарата «Торговки»? Да простой – незачем Мане ворошить прошлое и ехать на акционерный шабаш. Что было, то быльём поросло. Пусть так и остаётся. Но убедить её невозможно, упрямая как три осла вместе взятых. А вот вынудить сигануть в пропасть лучший вариант. Никто не виноват, неслась неведомо куда и свалилась с обрыва...

Маня сидит гасит в себе остатки пережитого ужаса и параллельно перебирает в уме, что именно положила в дорожную сумку. Потом взяла на полке блокнот, он всегда под рукой и ручка рядом. Составила список того, что в сумке, а потом принялась прогнозировать, что и как будет происходить в этом Егорьевске. Первый день. Приехали часам к 16-ти. Оформились на рецепшен – нужен паспорт, он всегда в сумочке. Поселились в номер. Это уже 17-ть. Маня ставит сумку на стул, достаёт тапочки, вынимает и кладёт под подушку пижаму. Смотрит на список, – есть. Потом идут в душ чтобы помыть с дороги руки. Обычно мыло в гостиничных номерах есть, но ей надо своё жидкое детское. Доктора специально предупреждали, в быту минимум химии. Маня вписывает мыло, ставит плюстик и под номером 2 ставит «дегтярное».

Вписывает зубную щётку. Ещё надо позаботится о питье в номер. Тащить с собой бутилированную воду глупо. На крайний случай будет пить остывшую кипяченую. Что касается еды, ориентируется на месте. Супы, котлеты, сосиски, пюре, в меню любого ресторана. Главное не соблазниться жареным и мучным. С голоду не умрёт, объяснит, что на строгой диете и попросит у поваров кефир или йогурт. Она собирает в ванной мыльно-рыльные принадлежности и несёт в сумку.

- Теперь точно всё! – Говорит сама себе, и решительно застегнув молнию, несёт саквояж в прихожую. Вспоминает, как в Обнинской гостинице мучилась бессонницей, там с интернетом была проблема, по телевизору смотреть нечего, и она спасалась обычными книжками. На случай, если на базе не окажется библиотеки, Маня сунула в боковой карман книжечку в мягкой обложке и небольшой фонарик на батарейках.

Всё, отступать некуда, сумка собрана. Шляпина уже в пути, прислала эсэмэску, что выехали. Через три часа будут здесь. Мане ещё надо убедиться, что въезд в городок расчищен, въезд и выезд из городка не перекрыт. Маня заходит в местный чат, там всё о наболевшем. Кто ни будь знает проезд от магазина до трассы расчищен? Отвечают, ночью было нормально. Вывод – снег валит, только мелкий. Маня сканирует состояние машин под окном, стоят без шапок. Хорошо. Дорога по городку и до самого КПП так себе, в скользких колеях. Но проехать можно. Маня специально вчера от-

правилась выносить мусор, чтобы оценить уровень пешего и транспортного передвижения. Удовольствие ещё то. Правда по центральной улице тропинка классная. Идёшь по ней, как по снежному туннелю. Узкая, только Маня пошагала бодренько в своё удовольствие метров триста, а впереди спортивная команда трёх местных старожилок, все как одна со скандинавскими палочками. Маня тоже с ними, только она шагает под пионерский марш. Кто шагает дружного в ряд? Пионерский наш отряд! Малышева посоветовала для тренировки дыхания. В городке Маня поёт шепотом, а по дороге на дачу во весь голос вопит. Чешет Маня на средней скорости, а сборная старожилов всё приближается и приближается. Маня притормаживает, перейдёшь на их сторону, домой попадёшь не раньше, чем через пол часа. До горе-спортсменов метров тридцать. Ясно, что для обгона места нет. Вся команда, как на подбор с животами. Разве что выстроить вдоль одной из стен снежного коридора и самой боком протискиваться. Неудобно получается портить людям настроение. Маня тормозит у тропы автомобилистов, её жители 14-го дома к своим автомобилям проложили, и сворачивает на проезжую часть. Вот на неё, без ледоступов лучше не соваться. Остается надеяться, что у Шляпинского сына на машине резина с шипами и не какая-нибудь приземистая, а высокий джип. Колея такая, что на спортивном опеле, на котором Маня рассекала ещё в Питере, сразу сядешь на брюхо. Маня умудрилась летом напротив Крестов, о люк на дороге,

масляный поддон пробить. Форсила, возила по городу своих московских коллег. Любили редакционные кататься в Северную Пальмиру и с детьми, и с любовницами, и просто так. На Старом Невском у редакции помещение корпункта было. Полуподвал, чтобы в окно выглянуть надо на стул вставать. Это в рабочем кабинете. А в спальный отсек, четыре ступени вверх, там потолок пониже, зато окно расположено нормально. Маня предпочитала работать дома, а перед приездом гостей приходилось тащиться в корпункт, чтобы проветрить помещение, пыль протереть. А потом ещё и гостей встретить. Чисто горничная, раз в десять дней обязательно кто-нибудь приезжал. Кстати Шляпина с сыном и мужем тоже. Этому альфонсу тогда лет одиннадцать было. Приехали Шляпины на весенние школьные каникулы. По секрету от редакционного начальства, так многие делали. Душ в корпункте не предусмотрен, кухня с газовой плитой, раковиной и холодильником есть, санузел тоже. А душа нет. Шляпины переночевали пару дней и попросились к Мане помыться полюдски, вечером в театр. Пришлось приглашать гостей домой. Тогда Маня ездила ещё на Ниве, Юлька училась во втором классе. Так что каникулы у детей получились весёлыми. С музеями, детскими спектаклями, это было на Мане. Муж Шляпиной актер столичного театра, а питерских друзей видимо невидимо. Каждый вечер в театр, а потом после спектакля посиделки. Хорошо хоть звонили, что вернутся под утро. Окончания каникул, Маня считала не днями, а часами.

Проводила гостей и решила найти для корпункта горничную, выдать ей комплект ключей, чтобы гостей встречала, а после отъезда приводила апартаменты в порядок. Нашла, полгода было ничего, а перед приездом очередных, заминка. Не берёт уборщица трубку. Делать нечего, Маня тащиться в корпункт сама и застаёт там детскую коляску, разбросанные игрушки и гору немытой посуды на кухне. В Манином кабинете детский горшок и стопка бумаг, разрисованных фламстером. Ошалелый собкор слоняется по апартаментам составляет план действий, чтобы встретить в 21.00 гостей и не краснея привезти их сюда. И что с детской коляской делать? Слышит кто-то ключ в двери поворачивает. Мамочка с ребенком из магазина вернулась. Вы кто? - А вы? Так и познакомились. Горничная свою племянницу вселила пожить между гостями. Да не просто так, а за деньги. Постоялица ринулась с претензиями к тётке, Маня схватилась за веник. Мамаша с трёхлетним сынишкой, конечно выселились, отдали Мане ключи от корпункта. И подсказали ей вариант, по которому можно было переложить заботы о содержании апартаментов на такую персону, которая по первому требованию приведёт всё в надлежащий вид и освободит помещение. На свободную квартиру в центре города желающих было много. Но Маня доверила редакционное имущество своему приятелю. Вместе ездили два года подряд в стройотряд, связи поддерживали. Жил Ерёма с семьей у чёрта на куличках, в Купчино, а преподавал в центре. Да ещё общительный был

до невозможности. Жена считала, что в библиотеке над докторской допоздна работает. Пусть уж иногда ночует в этом корпункте... С ним проблем года два не было, пока окончательно не прижился...

Ерёма друг надёжный, Маня всегда помогает ему чем может. Брошюрку надиктовал, коряво описывая экономику последнего советского периода. Мол поменялась она, есть элементы частного предпринимательства, и это не подворья с несколькими коровами. Маня пишет на диктофон уточняет детали. Это будущая лекция для партийных школ. Меняет вторую кассету и думает – расшифровки дня на три. А у неё времени в обрез.

- Ну пожалуйста... - Ерёма такой одной белозубой улыбкой убедить в состоянии, и голос приятный интонации убедительные. Маня знает, если лекции выездные по линии общества Знания, он всегда просит, чтобы в зале была настроенная гитара. Брошюра, написанная Маней, пользовалась повышенным спросом. Все райкомовские активы, и партии и комсомола прослушали. А потом как повелось небольшой сольный концерт и беседы за рюмкой чая. Так что сыграла лекция роль в карьере Ерёмы, сначала он стал деканом, а позже и политиком.

Потом, когда Ерёма станет депутатом Законодательного собрания, его так и будут звать, «поющий политик». Петь они умеют, и о своём шкурном заботиться тоже. Хоть Ерёма и друг, но цену его депутатству Маня знает. Заважничал за-

рафинировался, сейчас такого в полуподвальный корпункт не заманишь. А накануне перестройки все были одинаково равны перед жизненными трудностями. Ерёма пользуется помещением на Старом Невском. Маня периодически, когда вселяет гостей, наблюдает вокруг чистоту, порядок. Отдраенные кастрюльки, намытый чайник. Чистый пол и приятный аромат отдушек. В шкафу чистое поглаженное постельное бельё. Портьеры всегда были пыльными, а теперь выстираны и поглажены. Кто уж тут всё намывает? Ясно, что сам Ерёма с тряпкой не бегают, но это не Манино дело. Главное, что всё в порядке.

С перестройкой, поток московских гостей поредел, да и Маня научилась отказывать левым визитёрам. Мол, если всех встречать, то и работать некогда будет. Ерёма предложил встретиться, мол есть деловое предложение. Маня от них никогда не отказывалась. Третий месяц занималась пилотным проектом по запуску делового издания. Кузина Ольга подсуетилась, свела Маню с нужными людьми в Стокгольме. Уходить из «Торговки» Маня наотрез отказалась, а подготовить и запустить газету с готовым макетом и штатом согласилась. Срок полгода, стоимость 10 000 долларов. Ольга шипит за рулем своей вольво на обратном пути, продешевила, они и пятьдесят штук готовы заплатить. Маня считает, что и так неплохо. Берётся за дело – презентация первого номера через неделю, а тут Ерёма со своим деловым предложением... К слову газета до сих пор выходит и процветает.

- Не потерпит пару недель предложение?

- Нет дело уж очень срочное.

И Маня едет, с парковками на Старом Невском всегда проблемы. Проще и быстрее на метро. Прибегает в свой подвал, времени в обрез. А Ерёма кофе заварил, пепельницу на стол поставил. Соломка в стаканчике, пирожные на блюдечке.

- У меня сорок минут, включая время на дорогу до метро. Говори в чём дело.

И тут Ерёма краснеет:

- Покупатель на корпункт есть, сейчас подъедет.

- А кто его продает?

- Никто. Они аренду перекупить хотят за 15 000 долларов. Просто переоформить с газеты на его фирму. По-моему, неплохо. 8 тебе, 7 мне.

У Мани аж кофе колом встал, хорошо, что ещё до пирожного не дошла. Поднимается, руку протягивает.

- Ключи.

Что именно говорил покупателю Ерёма, Маня не знает. Она потом с ним полгода не разговаривала...

Маня вспоминает былое и готовит завтрак с запасом. Глеб останется один. Манная каша как раз подойдет. Сейчас сварит, пока горячая положит в контейнер. Останется достать из холодильника, согреть в микроволновке и всё. Раз в 15 минут Шляпина сообщения на МАХ скидывает – навигатор показывает...

После каши пора краситься, не гоже встречаться с подружкой чучундрой. Маня уже нарисовала глаза, когда проснулся муж. Подошёл, осмотрел придирчиво её макияж:

- И как я тебя такую нарисованную отпущу?

Маня понимает, шутит муж, но как-то с подтекстом. Для выхода оставалось надеть спортивный костюм, но это не раньше, чем за пять минут, дома в нём сварисься. Маня рассчитала, на экипировку – костюм, куртка и ботинки, уйдет не больше минуты. Так что пока Шляпины будут тащиться по городку она всё и успеет.

Завтракают они как-то напряженно. Глеб с поездкой жены смирился, но идея ему не нравится. Сидит листает новости, Маня тоже в экран пялится, потом заглядывает в местный чат.

- Господи! Смотри, 15 минут назад фура прямо перед КПП сложилась. На выезд из городка пять машин стоит, а на въезд ещё больше. И главное, что ни те ни другие развернуться не могут.

Проезд только для одной машины. Попросят всех, кто свободен, брать лопаты и идти на выручку, карманы в снежных отвалах для пленников расчищать.

- А Шляпины где?

- Писали сорок минут осталось.

- Когда писали?

Маня лезет в чат, оказывается 15 минут назад.

- Звони, пусть, когда выедут из Малино позвонят, я им проезд к нашей дырке объясню.

Маня объясняет Шляпиной про сложившуюся фуру и невозможность проезда в городок, и не успевает изложить альтернативу, Светка вопит:

- Только не говори мне что передумала! Будем стоять в твоей пробке столько сколько потребуется! Я без тебя при-

езжать в Егорьевск не должна! Слышишь?

Маня слышит, Глеб тоже. Забирает у жены аппарат и объясняет всё, что нужно. Мане бы кто вовремя объяснил, по какой причине подружка с цепи сорвалась.

Глава 9

Стартовали из дома после контрольного звонка. Глеб с сумкой впереди, Маня хвостиком. И только нырнули в заросли, как Маня сон вспомнила и вздрогнула. Вышли, стоят вроде все как всегда, по дороге редкие машины, за спиной деревья, на другой стороне тоже заснеженные деревья забор из железной проволоки закрывают. Глеб вышел без шарфа поёживается на ветру. Маня с капюшоном на голове и пуховиком до щиколоток как снеговик, тепло, только не слышит, что муж говорит. Он подходит оттягивает край капюшона и кричит прямо в ухо:

- И где они?

У Мани в кармане звонит телефон:

- Вы где? Мы у железнодорожного переезда остановились. Навигатор уже минут пятнадцать приказывает развернуться, мол пропустили поворот...

Глеб объясняет – промахнулись на 5 километров, а они с женой специально заранее вышли чтобы не проскочили. Неужели не видели?

Шляпины разворачиваются, Маня с Глебом переходят дорогу. Теперь они стоят сразу за поворотом, Шляпины ни мо-

гут не увидеть и проскочить. Глеб перед каждой машиной делает два шага на асфальт и рукой машет. Чужие проедут, а наши заметят. Так и вышло. Прямо перед Маней и Глебом останавливается пижонская бэха. Шалыпина выходит, сын, открыв окно протягивает Глебу руку. Багажник открывается автоматически. Муж кладёт в него сумку, чмокает Маню в мокрый капюшон. Она видит в его руках телефон, через пару минут на МАХ приходят снимки их со Светкой исторической встречи у машины. Маня замечает, что благоверный сфотографировал номера.

- Давно не виделись тётъ Люд. – Ваня смотрит в зеркало заднего вида на Маню. – А вы совсем не изменились.

Врет, конечно. Главные перемены конечно скрыты массивными очками с затемнёнными стеклами.

- Юля как?

У Мани перед глазами школьник Ваня и дочка Юля играют в четыре руки на пианино. Паренёк на четыре года старше, а подготовка одинаковая. Слаженно играют, не сбиваются. Картинка тёплая и Маня злится на папарацци. Сделали из Вани слащавого охотника за богатыми старушками. А он нормальный столичный парень. Она рассказывает про дочку и четырёх внуков.

- Три сыночка и лапочка дочка. Копия Юльки.

- Красавица значит вырастет, в маму и бабушку.

Лесть грубая, московская. Не преувеличивай! Она отмахивается, Светка сидит на переднем пассажирском в норко-

вом манто помалкивает. Бэха вильнула в колее. У Мани повод прекратить беседу:

- Не отвлекайся, дорога тяжёлая. У нас до асфальта не скребут, не Москва, и песком не посыпают. Ваня облегчённо кивает, прибавляет звук магнитолы. Маня улыбается – себя в дороге слушает. А не плохо получается. Она включает айфон и листает новости.

О! Лепёхин с новыми обвинениями. Маня считает, что он все проблемы утрирует, но если поделить на три, то можно считать, что узнал правду.

Поступления от продажи нефти и газа сократились за год в два раза. Это данные января 2026-го. Экономика в рецессии и к концу года по прогнозам Владимира Лепёхина рухнет. Уже проседает автомобилестроение, лидеры просто сбрендили, с одной стороны задрали цены выше некуда. Продажи встали, рабочие места сокращаются. С другой увеличили утилизационные сборы. Потребитель в ловушке нового отечественного кота в мешке на четырёх колесах, за миллионы покупать не выходит. Мало у кого найдётся лишний миллион. Те же у кого они есть, приобретают новые престижные зарубежные марки. А власти в упор проблем не видят. Застой у строителей, разрекламированная компания «Самолёт» вот-вот обанкротится. Закрываются парикмахерские и тысячи предприятий малого бизнеса. Магазины промышленных товаров столкнулись с убытками. Цены в продовольственных магазинах растут. За месяц парниковые огур-

цы подросли до стоимости 1200 рублей за килограмм. Нарастают техногенные катастрофы в сфере ЖКХ, зато тарифы растут параллельно со снежными сугробами во дворах и на дорогах. Полный беспредел в банковской сфере. Они взяли и заморозили вклады 400 000 физических лиц, а это два процента от тех, кто рискнул заработать на высоких процентах на накопительных счетах. И эта тенденция будет продолжаться. Банки снижают проценты по вкладам в нарушение всех договоров. Но самикупаются в прибыли размером с два бюджета крупного российского города.

До конца этого года Лепёхин обещает экономический коллапс, а затем и развал в РФ всей системы управления. Молодёжь побежит за границу. А Собянинцы с Хуснулинцами только увеличат завоз в Россию ещё на несколько десятков тысяч неприкасаемых далитов из Индии.

Маня читает и думает, крах экономики России, то на что надеется Урсула с Каей. По мнению Володина дамочки, почти у цели. К концу года в стране наступит коллапс. Власти не могут, да и не заинтересованы выправлять ситуацию. Правящие барыги озабочены своими карманами, а не спасением страны.

Маня вспоминает гору не вывезенного из городка мусора, сложившуюся на въезде фуру и ответ на жалобу из администрации Московской области. Мол очистка дорог к частным строениям, забота и ответственность хозяев дома. Хоть бы на карту посмотрели прежде чем отписываться. С каких это

пор военный городок стал частным?

Ситуация в стране тоже не радует, если начальников больше интересует собственный карман, чем заботы о предприятии, городе и стране, это прямой путь к концу. По этой причине погибла их со Светкой любимая газета. Обе отдали изданию по 20 лет службы. И теперь едут чёрти куда почтить память «Торговки» с чужими для себя и газеты людьми.

В салоне бэхи тепло, Ванька сидит за рулём в пиджаке, куртка висит за спиной Света расстегнула шубу и сняла шарф. Маня видит часть обвисшей щеки с яркими румянами и тройной подбородок подруги. У самой Мани не всё так критично, хотя тоже лицо поползло. Она выбирается из рукавов пуховика и расстёгивает верх спортивной куртки. Погорячилась конечно с утеплением. От скуки начинает рассуждать - по телефону коллега аж захлебывалась от желания скорее увидеться, поболтать, повспоминать. Обняла Маню на дороге, села в машину и молчит как замороженная. Понятно, говорить о чём-то себе за спину неудобно. Но могла сесть рядом, места много и времени достаточно, чтобы рассказать какие цели у них на этом собрании. И кто этот наследник из Иркутска. Там собкорствовал Виктор Киселёв, веснушчатый такой чиновничек. Писалось ему с трудом, всё больше безликие авторские материалы присылал. Редакционные задания выполнял мгновенно, местом дорожил. С Маней не ссорился, и в газетных интригах участия не принимал. На собрания приезжал исправно, с подарками, как во-

дится, но застолий избегал. Акций у Киселёва было немного, он преуспел в другом. Кажется, умудрился приватизировать пару универсамов в городе. Так сказать, неплохо монетизировал наработанные связи и статус. Кому что дано. Киселёву не пропустить удачу, Мане лёгкое перо. Получается болото всколыхнул его сынок? Вот только фамилии Киселев в списке участников акционерного собрания Маня не нашла. И поделиться этим открытием она собиралась с Шляпиной, первым делом прямо в машине узнать, что она знает о наследнике и не выходил ли он с ней на контакт. Но Светлана забралась в салон и онемела. Или она выдумала это судебное дело против «Торговки» от наследника? Зачем?

Едут они по второстепенным дорогам, вокруг редкие перелески, да заснеженные поля. Маня слушает музыку, молчание приятельницы и старается отключиться от воспоминаний. Столько лет не вспоминала о газете, казалось поросло всё быльем, запорошило лихими годами. Ан нет! Если бы не упёрлась тогда, продала как все свои акции, никто бы её сегодня не искал. Незавершённые дела, плохие и хорошие, догонят тебя в самый неподходящий момент.

Сегодня для Мани главное завершить сделку по латышской квартире, вывести свои евро в Россию, отключить латышские телефоны и сосредоточиться на здоровье, своем и мужа. Жить в режиме по-стариковски. Сделал то, на что хватило сил и желания, а остальное как получится. Останется время подумать о мировом устройстве, событиях в стране

и себе в них. Человек скотинка стадная, обособиться не получится. И не заметишь, как втянет тебя в водоворот страстей и событий. Закрутит в клановой воронке или сплоченной компании. Не успеешь оглянуться, а ты уже наполовину не ты, а часть сторонних интересов, и если не хочешь неприятностей, соблюдай установленные порядки. Всё правильно – один в поле не воин, а если думаешь по-другому, то имей силы и наглость доказать, что твоя правда важнее чужой, борись за неё и побеждай. Не получится – подчинись или уйди. Жить в социуме, отдельная наука. Осваивать её начинают в детском саду. Маню в сад не водили. Глеба тоже, но ему повезло учиться коллективизму в военном городке. А её, бабуля до шестого класса отводила в школу и забирала после уроков. И что вышло? Будь Маня похитрее и повнимательнее, поняла бы вовремя нюансы отношений в центральном аппарате «Торговки», нашла подход к газетным бабушкам, рекламным девочкам. А она упёрлась в работу, тянет её как вол, лишнюю минуту для простого бабского разговора о тряпках и причёсках найти не могла. Вот и проморгала газету.

Бэха свернула в лес, судя по времени они почти приехали.

И точно, вот распахнутые в ожидании гостей железные ворота. На стоянке три джипа. Площадка перед двухэтажным зданием тщательно расчищена, а уже от неё разными кривыми лучами расходятся тропинки. Вокруг смешанный лес, на фоне голых лиственных, величественными столбами стоят

сосны. Красота!

Ваня уже вытащил из багажника Светкин чемодан на колесах и Манину сумку. Несёт багаж к входу, приятельница цепляется за Маню и с трудом передвигает ноги, обутые в сапоги-чулки на высоченных каблуках. Шубка короткая, Маня замечает толстые колени и жалеет Свету, решившую пофорсить. Ей самой тоже следовало бы надеть шубу, а вместо зимних высоких кроссовок модельные сапоги. Только кто бы их тогда страховал на двадцатиметровом маршруте от машины до входа?

На рецепшен милая молодая брюнетка просит у прибывших паспорта. Маня расстёгивает сумочку, выуживает документ, отдаёт его и спрашивает где можно покурить.

- Охранники курят у входа, там и пепельница.

Маня разворачивается, смотрит на Шляпину, та косит глазом на сына и делает свирепое лицо. Не разрешает мол. Ну и ладно, можно и одной подыметь. Но не получается, в компанию с Маней выходит охранник щёлкает зажигалкой.

- Ну вы и забрались, прямо дикая тайга вокруг. – Женщина кивает головой в сторону леса. Неудобно как-то стоять рядом молча.

- Четыре километра от трассы. Если заметёт, будем сидеть в ловушке дня три, пока трактор не найдут, чтобы лесной проезд расчистить.

- Снегопады по прогнозам вроде бы кончились.

- Прогнозы у нас как правило не оправдываются. Планы

не исполняются, сверхурочные не оплачиваются.

Собеседник криво улыбается, гасит сигарету. Он выско-чил на улицу без куртки.

Маня остаётся, она не курила два часа, теперь оказалась в незнакомом месте с непонятными задачами. Надо сконцен-трироваться и попробовать сориентироваться.

Из двери выглядывает Шляпина:

- Кофе принесли, я тебе как всегда заказала без сливок, сахара и пирожных. Галеты подали. – Она машет рукой, мол поторопись.

Возвращая паспорт, администратор пристально посмот-рела на Маню, но ничего не сказала. Они дружно убрали до-кументы в сумочки, Шляпина успела справиться с пирож-ным и поглядывала на тарелку с галетами. Маня с сомнени-ем смотрела и на кофе, и на галеты. Потом попросила стакан воды:

- Я кофе уже год как не пью, докторá не велели.

Приятельница впёрлась в Маню таким взглядом, будто стала подозревать подмену. Внешне вроде перед ней Мария Константиновна, курить курит, а кофе не пьет... Ту ли Маню она привезла на собрание акционеров?

Ваня отсел в кресло подальше, и говорил с кем-то по те-лефону. Светлана молчала, Маня тоже специально не произ-носила не слова. Выбраться сюда идея Шляпиной, ей и кар-ты в руки.

- Одного домика для вас нет, поселим по соседству или

хотите в одном номере?

К ним подошел молодой человек в деловом костюме. Маня поспешила сделать выбор. Мало ли у Шляпиной появиться мысль толкаться в одном помещении. Ваня подхватил сумку Мани, второй парень покатил Светкин чемодан. Они шли колонной по тропинке-коридору, пока не упёрлись в одноэтажный домик с летней незакрытой терраской.

Приблизительно в таком Маня жила, когда поехала на экскурсию в Рим. На терраску вели две двери. Деревянный стол и две скамейки для отдыха на воздухе, рассчитаны на два номера. Сопровождающий вставил ключ в замок и вкатил в распахнутую дверь чемодан Шляпиной.

- Ваш домик там.

Иван отдал сопровождающему Манину сумку, махнул рукой. Мол скоро увидимся, крикнул в открытую дверь:

– Мам я поехал, и резво помчался по тропинке к стоянке.

«Соседство» с приятельницей оказалось условным. Идти минут пять, в тапочках не доберёшься. Маня осматривается, а парень сообщает, мол обед будет поздний, часа через три. Часы показывали 17.30 и Маня думает, что это скорее будет ужин. Дома они едят через три часа, и теперь желудок бунтовал. Сжимался, закручивал узелок и требовал пищи.

- А нет ли здесь буфета?

- У нас полный пансион, в холодильнике есть сыр, йогурт. Можно заварить чай или кофе. – Проводник открыл дверцы навесного шкафа и ткнул пальцем в электрочайник.

Маня кивнула, она уже скинула с себя пуховик, освободилась от ботинок и рылась в сумке в поисках тапочек. Оставшись одна, она ещё раз проинспектировала холодильник и поняла, еды которая бы условно вписывалась в её диету там нет. Йогурт просроченный, сыр жирный. Вода с газом. Маня вскипятила чайник, налила в кружку воды и понесла её на улицу остывать.

- Ничего не говорила. Решим потом, как действовать. Да иду посмотреть, как она устроилась. Да поняла, поняла. Не буду.

Голос говорящей по телефону Шляпиной, приближался. Маня зачем-то юркнула в домик и принялась ждать визитёршу.

Глава 10

Маня успела сесть в кресло и развернуть книгу, когда Шляпина постучала в дверь.

- Открыто! – Крикнула она, но подниматься не стала. Мол зачиталась, обо всём на свете забыла.

- Пришла посмотреть, как ты устроилась.

- И правильно сделала, - вслух ответила Маня и подумала, что ей известно в каком домике живет Светлана, а вот подруге, наверное, пришлось поискать.

- Нашла легко?

- Конечно. Акционеры арендовали базу полностью на четыре дня, нас здесь всего 9 человек, домиков 15, номеров 30.

Какая осведомленность, однако. Значит их могли поселить в один домик, жили бы через стенку и могли забегать друг к другу прямо в тапочках. А раскидали так что Маня оказалась одна в самом дальнем домике. Она вспомнила, к двум строениям которые они проходили, тропинки не расчищены и два домика напротив тоже похоже необитаемы...

Шляпина уже опустила в кресло напротив и с грустью посмотрела на пустой стол.

- Может чайку пока заварим?

Пока Маня наполняла водой электрочайник, забиралась на стул чтобы отыскать на полках заварку, Светлана жаловалась, что умирает с голоду, выехали из дома чуть свет. Надеялась, что Маня пригласит их с Иваном к себе покормит. Да

не получилось. Маня устыдилась за своё не гостеприимство.

- Извини не подумала. Можно было по дороге в любую кафешку завернуть да перекусить.

Подруга горестно кивает, мол задним умом все крепки. Только не заехали.

- А ты с собой ничего не прихватила.

- Собиралась взять бананы, мёд кончился...

Чайник вскипел, Маня залила пакетик чёрного байхового кипятком, сахарницу поставила на стол. Нашла в ящике ложку. И направилась к двери:

- Ты куда?

- У меня кипяток остывает на веранде. А ты если хочешь возьми в холодильнике йогурт. Мне то нельзя.

Маня не стала говорить о том, что продукт просрочен. Всего на 4 дня, для здорового желудка сойдет.

Подруга уже приканчивала первый стаканчик, на очереди стоял очередной.

- Я свои уже приговорила. Не наелась, а теперь в самый раз. Полтора часа можно вытерпеть.

- Там ещё сыр, достать?

Шляпина отказалась, и уставилась на Маню. Сидели испытующе глядя друг на друга с минуту.

- Я честно говоря думала ты в своем доме в Малаховке живёшь.

Маня молчит, не хочет говорить, что дом сторел, когда они в Латвию уехали.

- Или в Питер вернулась. Там у вас повеселее.

- Муж отказался, он москвич, в Питере погулять любит, а жить здесь.

- Малино не Москва.

Маня пожимает плечами, интересуется:

- А ты всё там же. Не работаешь?

Шляпина начинает рассказ, пока ухаживала за мужем не до работы было. Да и возраст уже. Газету закрыли, выдали ей выходное пособие и 11 лет была сиделкой. Сын по командировкам, женился, разводился, дома не жил. А теперь и вовсе коттедж на Новой Риге купил. Так что живёт одна с поздней осени и до весны. А летом хорошо, приезжаешь на дачу как в редакцию. Маня кивает согласно головой, помнит, как ещё «Советская торговля» пробила под дачи нехилый участок земли. Все хвалили и место, и возможность выезжать на природу. Отстроились и продолжали дружить домами. Только главный не взял там себе участок. У него дача давно и в другом районе. Сотрудники, которые в своё время не успели вписаться в садово-огородническую семью, приезжали в гости и выжидали, мало ли кто продавать будет.

- Ирка купила, забабахала себе дворец с бассейном. Куда такой? Ни семьи, ни детей, ни внуков. Год пожила. А ты помнишь, она выпить, поплясать да покуролесить любила.

Маня помнит, как на одной вечеринке Ирина Гомелева ей нашёптывала. Мол я из белорусской деревушки, закончила у себя в Минске журфак и давай про торговлю авторские ма-

териалы строчить. Пока не позвали на собрание собкоров. Приехала и любовь у нас с главным случилась. Это мужчина всей моей жизни! А он видишь эту из Эстонии окручивает. Ирка ревновала любовника, жена главного ревновала к ней своего мужа. Все в одном ресторане за длинным столом.

У Ирины слёзы в глазах. Маня молчит, на неё саму, старый ловелас тоже покушался. Но бог миловал, отшутилась, посмеялась, потанцевали. Она видит такое дело, мужик выпил, считает себя Аполлоном. Ещё бы, от редакционных тётток отказа не знал. А ей это надо? Откажешь обидится. Потихоньку вышла покурить, оделась и уехала. Для секса нужны двое. Но Ирина то реально втюрилась. Семь лет в любимых жёнах ходит. Супруга главного видит такое дело, убедила мужа пристроить девушку в другую газету на должность повыше. Связи позволяют, для зазнобы организовали журнал по общественному питанию. И тема близкая и облагодетельствовал девушку. Гомелеву туда редактором. Журнал кстати «Торговку» пережил. Но это уж Ирина постаралась, запустила ряд конкурсов с премиями и медалями.

- День печати праздновали, в 2015 м. – Продолжает Шляпина. – Ирка сына Кабановых к себе увела. Тот утром просыпается, а Гомелева рядом лежит и не дышит.

Прыгнул в штаны и домой. Что и как было не помнит, добавили ещё ликёрчику какого-то. Мужик крепкий под два метра ростом, мог и обнять покрепче. У парня трое ребятшек, жена хорошая. Старший Кабанов сначала к Ирке, посу-

ду со стола убрал. А потом и скорую вызвал. Тело увезли, а он из дома в дом ходит, мол сынок напился проводил Гомелеву домой и у меня ночевал.

Врачи констатировали смерть от инсульта, так что разбирательств и расследования не проводили. Но Кабановы попритихли, сплетничать перестали.

Вредный был этот Кабанов, отделом информации заведовал. С письмами работал. И сам на всех письма строчил, от доброжелателя. Особенного на главного, когда тот предыдущего сменил. Проводили бедолагу на пенсию с большой радостью. Думали избавились. Жена осталась в машбюро и в полном праве заявление на участок написала. Так что вернулся Кабанов в родной коллектив и стал председателем правления садового кооператива.

Маня Кабанова знала только по рассказам, ей не интересно, Но Шляпину не остановить. Сидит, делает вид что слушает и ждет подходящего момента чтобы задать свой вопрос про наследника из Иркутска.

Шляпина чай допила, встала включить чайник и новый заварить. По-хозяйски открыла холодильник чтобы сыр достать. Тут Маня и вклинилась:

- Хорошо, что мы собкоры от вашего Содома далеко были. Послушать тебя - прямо редакция с низкой социальной ответственностью сотрудников. Не всех, конечно. Но все карьеры как в театре, через постель.

Светлане Манин вердикт явно не нравится, перебесились

все давно, половина сотрудников уже перед всевышним за грехи отвечает. Открывает приятельница рот чтобы возразить, а Маня ей свой вопрос выпаливает:

- А ты когда с иркутским наследником виделась?

- В де-каб-ре. За неделю до Нового года. Он тебя тоже нашёл?

Маня молчит, смотрит в упор на подругу. Взглядом спрашивает, мол врала мне зачем. Светка села истуканом и про сыр забыла, к чаю не притрагивается. Потом вскакивает:

- Через 40 минут ужин, переодеться надо. – Прыгает в сапоги, шубу даже не застёгивает, за дверь выскакивает так, будто от пожара бежит. Дверь хлоп, Маня смотрит в окно, а Шляпина уже телефон выудила. Не дотерпела до номера в кемпинге, на ходу кому-то докладывает. Ясно, Шляпина ей не друг, сговорила с акционерами чтобы обеспечить её доставку в этот лес. Уезжать надо, и побыстрее. Маня набирает Глеба:

- Что-то здесь не ладно. Может приедешь заберёшь меня домой.

- Хорошо, выеду через сорок минут. Машину почищу, прогрею. Как там дорога? Расчищена?

- Ваня проехал, думаю за три часа не завалило. От трассы всего километра три. Если что, пешком до дороги дойду.

На том и порешили. Маня натягивает свои кожаные штаны, сапожки с отворотами и тунику. Разглядывает себя в зеркало. Нормально. Подправила макияж, положила в сумоч-

ку расчёску. Под капюшоном волосы рассыплются, придется причёсываться уже там. Пожитки обратно в сумку покидала. Если Глеб выедет через час, два или два с половиной проведет в пути. Раньше 21-го не приедет. Стемнеет уже. Может заказать такси, чтобы по́светлу с базы выехать. Надо адрес базы уточнить и название ближайшего городка. Доедет на такси туда, обоснуется в кафешке и позвонит Глебу. А теперь ужинать, да с акционерками знакомиться. Маня по дороге стучит в дверь Светкиного номера. Бесплезно, наверное, уже в ресторане.

Мокрый снег валит плотной стеной, Маня шагает по тропинке и думает о Глебе. Семь часов назад он посадил её в машину к Шляпиной. Два дня отговаривал от поездки, потом сдался. Теперь машет снежной лопатой, расчищая реношку, и наверняка злится. Она и сама разозлилась на себя. Ну зачем повелась на Светкины выпады. Знала же как она себя повела, продалась охотнику, не бесплатно оформила акт дарения акций. Понятно зачем, уже с приходом Каинова все шептались. Засланный казачок – бегаёт наушничать каждый день на первый этаж в кабинет бывшего союзного министра торговли. Там теперь завхоз обосновался, сидит сети плетёт, чтобы всё здание целиком в аренду сдавать. На первых этажах престижные универсамы с престижными ценами. В подвале, где раньше столовая была, теперь ресторан. На всех этажах арендаторы, люди уважаемые, состоятельные, исправно перечисляют ежемесячно деньги. И

только газета весь антураж портит. Народ целыми днями туда-сюда шляется, в джинсах, потёртых ходят. Курят как паровозы. В своё время, именно газета и авторитет её главного редактора, помогли оформить завхозу аренду здания на полвека. А теперь всё изменилось, завхоз хозяином стал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.